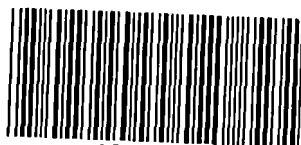

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

4858437

Смирнов Владимир Алексеевич

**ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ
МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

Специальность: 22.00.04 - социальная структура,
социальные институты и процессы

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
доктора социологических наук

27 ОКТ 2011

Санкт-Петербург
2011 г.

Диссертация выполнена на кафедре социологии молодёжи и молодёжной политики факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Научный консультант: доктор социологических наук, профессор
Козлов Анатолий Александрович

Официальные оппоненты: доктор социологических наук, профессор
Салагаев Александр Леонидович
(Казанский национальный исследовательский технологический университет)

доктор социологических наук, профессор
Тумалев Владимир Владимирович
(Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена)

доктор философских наук, профессор
Кухтевич Татьяна Николаевна
(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

Ведущая организация: **Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.**

Защита состоится 29 ноября 2011 года в 18.00 на заседании Совета Д 212.232.13 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 191124, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, 9 подъезд, факультет социологии СПбГУ, ауд.324.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке имени А.М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (Университетская наб., д.7/9).

Автореферат разослан «06» октября 2011г.

Ученый секретарь
диссертационного Совета Д. 212.232.13

Н.В. Соколов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования проблем региональной молодёжной политики (РМП) определяется важным значением молодого поколения в современном российском обществе. В условиях государственной модернизации, поиска новых эффективных форм развития общества, успешных моделей управления экономической и политической сферой страны особая социальная роль отводится именно молодому поколению. В связи с этим, неадекватная оценка места и роли современной российской молодежи в процессе воспроизводства общества, использование неэффективных форм социальной работы с молодым поколением могут привести к стратегическим ошибкам, имеющим долговременные последствия.

Современная Россия, не смотря на экономические и политические достижения последних десятилетий, по-прежнему стратифицирована на две социально-экономические «зоны»: центр (столица, крупные мегаполисы) и периферия-провинция (небольшие региональные центры, малые города, село). Жизненные траектории, социальные практики, возможности для самореализации в провинции в значительной степени отличны от данных характеристик в центре. Это обстоятельство, в первую очередь, сказывается на жизненных возможностях молодежи, проживающей в социокультурном пространстве российской периферии.

В этой ситуации особое место в процессе развития современной России занимает институт молодежной политики, как важнейший социальный механизм социализации и социальной интеграции российской молодежи. Зарождение системной работы с молодежью в условиях новой социально-экономической формации было положено в начале 90-х годов прошлого века, результатом чего стало формирование особой сферы государственного управления – государственной молодежной политики. Важнейшим достижением прошедших десятилетий явилось формирование и развитие института государственной молодежной политики на всей территории России. В процессе его институционализации были выработаны методологические и технологические основания работы с молодым поколением в условиях современной России.

В то же время, несмотря на развитие системной работы с молодым поколением, ее недостатком является слабая регионализация молодежной политики. Унификации работы с молодежью без учета особенностей регионального развития ведет к снижению ее качества. В условиях, в которых находится российское государство и общество, необходим пересмотр асхиологических и технологических оснований функционирования института молодёжной политики в современной России в сторону ее регионализации.

Актуальность темы исследования обусловлена недостаточной изученностью процесса институционализации РМП как механизма социальной интеграции российской молодёжи, проживающей в социокультурном пространстве российской провинции в условиях трансформации российского общества. Со-

временная РМП исследуется в отечественной социологии как элемент федеральной молодёжной политики. Не отвергая такого подхода, необходимо ставить вопрос о де-стандартизации молодёжного транзита не только по отношению к предыдущим поколениям молодых людей, но и в отношении молодёжи, проживающей в разных социокультурных полях современного российского общества. Представляется, что регионализация молодёжной политики должна осуществляться в двух направлениях: по вертикали и по горизонтали. Вертикальная дифференциация должна быть ориентирована на изучение жизненных путей молодёжи в условиях трансформирующегося пространства российской провинции и разработку адекватных этим социальным процессам моделей сопровождения молодёжного транзита. Горизонтальная дифференциация молодёжной политики должна осуществляться в направлении анализа собственно региональной специфики, выделения разных типов российской провинциальности. Это требует научной разработки и обоснования РМП как системы сопровождения молодёжного транзита в отдельных сегментах российского общества.

Степень научной разработанности проблемы. Проблема молодёжного транзита, межпоколенческой преемственности, социальной интеграции молодёжи и институционализации молодёжной политики, а также трансформации обществ занимает достаточно важное место в работах классиков социологии, а также в работах западных и отечественных исследователей современности. Особенности социального развития в условиях трансформаций обществ нашли отражение в марксистском подходе (К. Маркс, Ф.Энгельс), неомарксизме (Т. Адорно, Г. Маркузе, Ю. Хабермас, Э. Гюлльдер), социологии социальных изменений (Д. Белл, П. Штомпка), системном подходе (Н. Луман), в теориях социальной трансформации российского общества (Т.И. Заславская, Н.И. Лапин). Вопросы становления, развития и функциональности социальных институтов исследованы в теориях структурного функционализма (Т. Парсонс, Р. Мертон), а также в теории структуризации (Э. Гидденс).

Особого внимания заслуживают теории и концепции, актуализирующие вопросы жизненного пути молодого поколения, его социальной интеграции. В этой связи представляют интерес специальные социологические теории: социального самоопределения (С.Н. Иконникова, В.Т. Лисовский), социализации (С. Айзенштадт, А.И. Ковалева, И.С. Кон, А.В. Мудрик), социально-профессиональной мобильности (Д.Л. Константиновский, Г.А. Чередниченко, В.Н. Шубкин), образовательных стратегий (Т.Э. Петрова, Т.В. Ковалева, В.И. Добрынина), молодёжных субкультур (Т. Парсонс, Ф. Тенбрук, В. Ф. Левичева, Т.Б. Щепанская, С.И. Левикова, З.В. Сикевич), де-стандартизированного транзита молодёжи и ее социальной интеграции в условиях общества риска (А. Биггарт, А. Уалзер, Ю.А. Зубок, В.И. Чупров, А.В. Запесоцкий), повседневных практик российской молодёжи (Е.Л. Омельченко, В.И. Ильин).

Особое место занимает тема молодёжной политики как системной деятельности государства и общества в отношении молодого поколения. Пред-

ставляют интерес следующие концепции и исследовательские направления: концептуализация молодёжной политики как механизма преемственности поколений, разработка понятия «общественная молодёжная политика» (И.М. Ильинский); исторический анализ реализации молодёжной политики в России (В.К. Криворученко, В. Нехаев), тезаурологический подход к пониманию механизмов молодёжной политики (В.А. Луков); особенности регионализации государственной молодёжной политики (Х. Вильямс, В.В. Касьянов, С.С. Гиль); развитие инновационных технологий в системе государственной молодёжной политики (Г.А. Лукс, В.А. Луков); механизмы профилактики девиаций и социальное воспитание молодёжи (В.Т. Лисовский, А. А. Козлов, Э.П. Теплов, Р.А. Зобов).

Несмотря на широкий спектр разрабатываемых проблем, в современной российской социологии недостаточно внимания уделено исследованию особенностей регионализации молодёжной политики, ее институционализации в условиях российской провинции, исследованию латентных механизмов воспроизводства деструктивных практик провинциальной молодёжи как непредвиденных последствий целенаправленных действий государственных и общественных структур. В недостаточной мере исследован и процесс институционализации общественной молодёжной политики, как системной активности общественных структур, институтов гражданского общества в отношении молодого поколения.

Объект исследования: процесс институционализации региональной молодёжной политики в современной России.

Предмет исследования: направления, механизмы и технологии государственной и общественной политики в сфере социальной интеграции провинциальной молодёжи в условиях трансформации российского общества и модернизации государства.

Цель исследования заключается в анализе особенностей институционализации государственной и общественной региональной молодёжной политики, в определении адекватности современному этапу развития российского государства и общества, механизмов и технологий социальной интеграции провинциальной молодёжи.

В соответствии с указанной целью поставлены следующие **исследовательские задачи:**

- проанализировать в исторической ретроспективе основные подходы к пониманию феномена молодёжи и молодёжной политики. На основании проведенного анализа теоретически обосновать предлагаемый в работе подход к определению РМП.
- на основе исторического анализа особенностей реализации молодёжной политики выделить общие закономерности в системе взаимоотношений «государство – общество – молодёжь».
- проанализировать жизненные стратегии провинциальной молодёжи, выделив в них элементы, типичные для транзита всей российской молодё-

жи, а также особенности, формируемые социокультурным контекстом российских регионов.

- изучить модели и основные методы деятельности российского государства в отношении молодёжи, проживающей в российских регионах.
- проанализировать основные направления деятельности региональных органов по делам молодёжи, оценить степень их эффективности в условиях трансформации российского общества.
- исследовать современные общественные механизмы сопровождения транзита российской молодёжи, просекты и технологии социальной интеграции провинциальной молодёжи.
- выделить в системе функционирования государственных и общественных институтов, реализующих РМП, социальные механизмы, способствующие воспроизводству деструктивных практик провинциальной молодёжи.

Хронологические и территориальные рамки исследования. За исключением третьего и четвертого параграфа первой главы настоящее диссертационное исследование охватывает период с 1991 по 2009 год. Указанный период представляет собой время становления новейшей российской государственности, а также трансформации российского общества, его социокультурных основ, ценностно-нормативных моделей, повседневных практик.

Территориальные рамки исследования определены границами Центрального федерального округа (ЦФО), что, с одной стороны, связано с административно-территориальным делением современного российского государства, с другой, с социокультурной близостью исследуемых территорий, которые могут быть в социальном и историческом плане отнесены к российской провинции. Важно и то, что, несмотря на общность исторического развития, регионы, входящие в ЦФО, дифференцированы с точки зрения их социально-экономического развития, что позволяет использовать этот фактор для анализа его влияния на особенности институционализации молодёжной политики в указанных субъектах Федерации.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют: диалектический, системный подходы к анализу социальных явлений; философские и общесоциологические принципы исследования. Диссертант активно использует методологические послылки структурного функционализма (Р.Мертон) для описания макро-структур и процессов институционализации, совмещая данный подход с деятельностным направлением социологической теории (Э. Гидденс) при исследовании микро-уровня изучаемого процесса.

При организации и проведении прикладных социологических исследований диссертант использовал как «количественные», так и «качественные» методы исследования. При организации «количественных» исследований диссертант опирался на разработки отечественных социологов (В.А. Ядов, Ю.Н. Толстова, Г.Г. Татарова, З.В. Сикевич), при подготовке конкретных методик исследования - на разработки ленинградской школы социологии молодёжи (В.Т. Лисовский, А.А. Козлов). При использовании «качественной» методологии ис-

пользовался опыт, полученный в процессе участия в мастер-классах российских социологов-качественников (В.И. Ильин, И.Е. Штейнберг, Е.Р. Ярская-Смирнова), а также методологические и методические работы западных и российских социологов (В.В. Семёнова, Т. Шанин, С. Квале).

Теоретической базой настоящей работы послужили труды ранее названных отечественных и зарубежных ученых, заложивших фундаментальные основы общесоциологических теорий, современных концепций социологии молодёжи и молодёжной политики.

Эмпирической базой диссертации стали материалы социологических исследований: «Молодёжь Костромской области: психологическое состояние, ценностные ориентации, социальные проблемы» (2006 г., выборка 720 человек, география исследования – Костромская область), под руководством автора; «Анализ условий и факторов формирования экстремистских настроений в среде петербургской молодёжи и определение стратегии профилактики экстремизма» (2006-2007 гг., выборка исследования - 2000 человек, география исследования – г. Санкт-Петербург), под руководством А.А. Козлова при участии автора; «Степень вовлечённости и причины участия молодёжи в деятельности радикальных, экстремистских, националистических организаций и группировок» (2007 г., выборка 1200 человек, география исследования – Костромская область), под руководством автора; «Молодёжь и молодёжная политика в российских регионах» (2008 г. выборка 2300 человек, география исследования: Архангельская, Владимирская, Ивановская, Костромская, Ярославская области), под руководством автора; «Проблемы и перспективы развития молодёжных общественных объединений в российских регионах» (2008 г. выборка – 1730 человек, география исследования: Владимирская, Ивановская, Костромская, Ярославская области), под руководством автора; «Формирование гражданского сознания. Система, структура и научно-методическое обеспечение гражданского воспитания» (2008 г. выборка – 1622 человека, география исследования: Ленинградская, Брянская, Воронежская, Костромская, Архангельская, Челябинская области, республика Татарстан), под руководством А.А. Козлова при участии автора.

Кроме этого, в исследовании использовались данные государственной статистики, вторичный анализ данных результатов социологических исследований схожей тематики.

Научная новизна диссертационного исследования определяется самим концептуальным подходом к изучению РМП, основанном на выделении особого типа жизненного пространства (российская провинция), в котором происходит социальная интеграция молодёжи.

В диссертационной работе получены следующие результаты, имеющие научную новизну:

- осуществлен анализ основных подходов к концептуализации понятия «молодёжная политика», присутствующих в российской и западной науке. На

основе анализа предложена авторская типология теоретических моделей молодёжной политики.

- разработана авторская типология моделей молодёжной политики как практической деятельности.
 - выявлен и обоснован циклический характер взаимоотношений в системе «российское государство-общество-молодёжь».
 - на основе сравнительного анализа европейской и российской моделей молодёжной политики сформулированы их основные отличия, заключающиеся в отношении к регионализации работы с молодёжью.
 - выявлен и обоснован особый тип молодёжного транзита, характерный для молодых людей, проживающих в социокультурном пространстве российской провинции, обусловленный амбивалентной социализацией провинциальной молодёжи.
 - выявлен механизм воспроизводства деструктивных практик в среде провинциальной молодёжи, как система непреднамеренных последствий внешне конструктивных действий государственных и общественных структур.
 - обоснован предмет РМП, содержанием которого является сопровождение молодёжного транзита в контексте российской провинции и трансформация деструктивных практик провинциальной молодёжи.
 - выявлено рассогласование дискурсивного и практического сознания чиновников, молодёжных и социальных работников, руководителей молодёжных общественных объединений, реализующих РМП.
 - обоснована деструктивность отдельных направлений реализации РМП.
 - проанализированы модели молодёжной политики, активно разрабатываемые и реализуемые российскими общественными и политическими структурами (российский бизнес, политические партии, Русская православная церковь), выделены эффективные социальные технологии в практике деятельности институтов гражданского общества в отношении молодого поколения.
 - обоснована низкая эффективность провинциальных молодёжных общественных объединений, как института решения молодёжных проблем и социального включения провинциальной молодёжи.
 - обоснована недостаточная эффективность РМП в целом в современной России в условиях трансформации и модернизации российского общества и государства.
 - представлена авторская модель организации системной работы с молодым поколением в социокультурном пространстве российской провинции.
- **Положения, выносимые на защиту.**

1. Российская молодёжная политика носит циклический характер. В истории ее осуществления (нач. 18 – нач. 21 вв.) выделяется пять циклов. Современная молодёжная политика российского государства и общества базируется на деструктивных паттернах и практиках, воспроизводимых на всем протяжении ее развития, что резко снижает ее эффективность.

2. Современная молодёжная политика представляет собой мобилизационную молодёжную политику, в основе которой лежит стремление государства использовать инновационный и энергетический потенциал молодого поколения для осуществления государственной модернизации без попыток выстроить эффективную и долговременную систему социального воспитания молодого поколения.

3. В условиях дифференциации российских регионов, а также социокультурных различий между «глобальным городом» и провинцией происходит стратификация жизненных возможностей и стратегий молодёжи. Жизненный путь провинциальной молодёжи (транзит) обусловлен амбивалентной социализацией, представляющей собой синтез культурных программ «глобального города» и провинции.

4. Различия в особенностях транзита российской молодёжи в зависимости от социокультурного поля ставят вопрос о необходимости регионализации молодёжной политики. Такая регионализация должна осуществляться, во-первых, по вертикали: «центр - провинция», а во-вторых, по горизонтали «провинция - провинция».

5. Развитие молодёжной политики в российских регионах идет по пути ее унификации и огосударствливания, что ведет, с одной стороны, к ее неадекватности региональным особенностям молодёжного транзита, с другой, к снижению роли общественности, институтов гражданского общества в процессе социального развития молодёжи.

6. Важнейшим непредвиденным последствием целенаправленных действий региональных государственных и общественных структур, реализующих молодёжную политику, является создание условий для воспроизводства провинциальной молодёжью деструктивных практик. Данное обстоятельство практически не рефлексировалось разработчиками и операторами РМП.

7. Работа с молодёжью в контексте РМП реализуется лишь в незначительном пространстве формальных локальностей (учебное заведение, клуб, кружок, общественное объединение), в то время как жизнедеятельность в большинстве локальностей молодёжной повседневности структурируется без участия институтов государственной и общественной молодёжной политики.

8. В российской провинции в начале XXI века начинается процесс институционализации общественной молодёжной политики. Все большее число акторов начинают осуществлять системную работу с молодым поколением. Активность общественных структур в отношении оптимизации жизнедеятельности молодого поколения подвергается жесткому государственному контролю и регламентации, что существенно сокращает пространство вариативности и инновационности РМП.

9. РМП в исследуемый период является неэффективной. Это проявляется в неинформированности молодёжи об основных программах и проектах региональных органов по делам молодёжи; низком уровне социального прогнозирования и проектирования, демонстрируемого региональными структурами; отсутствии

технологий, адекватных потребностям социального развития провинциальной молодежи; неразвитости механизмов участия институтов гражданского общества и самой молодежи в разработке и реализации молодежной политики; неопределенной идентичности работников молодежной сферы, проявляющейся в отсутствии четкого понимания места отрасли в системе управляемой социализации молодежи.

Научно-практическая значимость работы заключается в обосновании необходимости пересмотреть аксиологические, теоретические и технологические основания реализации РМП в современном трансформирующемся российском обществе. Подход, предлагаемый диссертантом, позволяет выделить новые проблемные «зоны» в исследовании процесса институционализации региональной молодежной политики в современной России.

Результаты исследования могут быть использованы при разработке федеральной и региональной молодежной политики, нормативно-правовых актов, программ и проектов сопровождения молодежного транзита. Результаты исследования были использованы при разработке рекомендаций для Министерства образования и науки РФ в рамках участия автора в двух исследовательских проектах под руководством д.с.н., профессора Козлова А.А.:

1. «Анализ условий и факторов формирования экстремистских настроений в среде петербургской молодежи и определение стратегии профилактики экстремизма». Государственный контракт № 215/06 от 05.09. 2006 года.
2. «Формирование гражданского сознания. Система, структура и методическое обеспечение гражданского воспитания молодежи в условиях современной России». В рамках аналитической целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006-2008 годы)». РНП. 3.4.2.15527.

Использование результатов в практике функционирования институтов гражданского общества позволит актуализировать потребность в их активном подключении к процессу социального развития провинциальной молодежи, определить основные направления и механизмы общественной молодежной политики. Результаты исследования могут быть использованы при разработке специализированных учебных курсов для студентов, обучающихся по специальностям, непосредственно связанным с социологией молодежи и молодежной политики.

Апробация работы. Основное содержание диссертационного исследования изложено в 46 публикациях автора (из них 14 статей опубликовано в журналах, включенных в перечень периодических изданий ВАК, рекомендуемых для публикации научных работ, отражающих содержание докторских диссертаций), в том числе в монографиях: «Региональная молодежная политика в условиях трансформации российского общества».- Кострома, изд-во КГСХА, 2008. 13,92 п.л. и «Институционализация региональной молодежной политики в современной России».- Кострома: изд-во Костромской государственной сельскохозяйственной академии. 2010. – 15,5 п.л.

Отдельные результаты диссертационного исследования докладывались автором на: Всероссийской научно-практической конференции «Современное молодёжное, детское движение и государство» (Москва, 2000); Всероссийской научно-теоретической конференции «Правовая культура в России на рубеже столетий» (Волгоград, 2001); научной конференции «Измерение социальной напряженности: теория, методология и методика исследования» (Санкт-Петербург, 2002); межрегиональной научно-практической конференции «Формирование правовой системы Российской Федерации и ее влияние на становление государственности нового типа в Костромской области» (Кострома, 2004); Третьей Всероссийской научно-практической конференции «Молодёжь и будущая Россия» (Москва, 2008); V Всероссийской конференции «Молодёжь и образование: экономические, социально-психологические и правовые аспекты» (Пермь, 2009); международной научно-практической конференции «Этнические и этнополитические процессы в современном евроазиатском пространстве» (Пермь, 2009).

Исследовательские разработки диссертанта легли в основу читаемых авторских курсов «Социология провинциальной молодёжи», «Социальный менеджмент», а также серии тренинг-семинаров, проводимых автором для представителей органов студенческого самоуправления Костромской области (2004-2009 гг.), Молодёжного правительства Костромской области (2007 г.), участников «Студенческого слета Костромской области» (2004 – 2007 гг.).

Структура работы состоит из введения, трех глав, 14 параграфов, заключения, списка источников и литературы, двух приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во Введении обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень ее разработанности, определяются объект и предмет исследования, формулируется его цель и задачи, выделяется научная новизна, излагаются основные положения, выносимые на защиту, определяется теоретико-методологическая основа исследования, формулируется теоретическая и практическая значимость полученных результатов.

В первой главе «**Методологические и теоретические аспекты формирования и реализации молодёжной политики в трансформирующемся обществе**» осуществлен анализ основных теорий молодёжи и молодёжной политики, существующих в отечественном и зарубежном научном дискурсе, на их основе разработаны модели молодёжной политики как практической деятельности, проведен анализ формирования и развития механизмов социальной интеграции молодежи в Европе и России.

В первом параграфе «**Молодёжь и молодёжная политика в научном дискурсе**» анализируются основные теории молодёжи, являющиеся источником молодёжной политики. Молодёжная политика является синтезом дискур-

сивных и не дискурсивных социальных практик. Основным источником её дискурсивного содержания являются научные теории и концепции молодёжи. Именно они в трансформированном виде становятся содержанием коллективного сознания чиновников, педагогов, социальных работников, руководителей бизнес-структур, общественных объединений, т.е. всех тех, кто вовлечен в конкретную деятельность по разработке и реализации молодёжной политики.

Автор выделяет два измерения понятия «молодёжь», присутствующие в любой теоретической концепции. Во-первых, это содержательное измерение, включающее в себя основные концепты, периодизацию, границы молодости, модели взаимоотношения с обществом и т.д. Во-вторых, аксиологические характеристики, явно или имплицитно присутствующие в любом теоретическом исследовании. В данном случае выделяются две системы диспозиций, существующих в научном, общественно-политическом и обыденном дискурсах, определяющих молодёжь, как проблему и как ресурс.

Анализ основных концепций, существующих в западной и отечественной науке, позволил выделить четыре группы молодёжных теорий: психолого-биологические, поколенческие, субкультурные и транзитивные. Концепции молодёжи являются фундаментом, на котором «вырастают» современные теории молодёжной политики. Автор выделяет три группы теорий молодёжной политики, существующих в современном научном дискурсе.

1. Молодёжная политика как механизм управляемой социализации молодёжи. Основу данной группы составляют поколенческие теории. Главным содержанием активности государства и общества в отношении молодого поколения является процесс управления социализацией молодёжи, результатом которого должна стать интеграция нового поколения в социальную структуру общества.

2. Молодёжная политика как институт социального развития молодёжи. В основе данной группы теорий лежит идея о необходимости предоставления молодёжи возможностей для ее социального становления и реализации инновационного потенциала. Цель молодёжной политики сводится к созданию благоприятных экономических и политических условий, правовых гарантий, способных улучшить качество жизни молодёжной популяции. В качестве методологической основы данной модели выступает теория социального развития молодёжи, которую можно отнести к транзитным концепциям.

3. Молодёжная политика социального включения. Основным содержанием молодёжной политики становится разработка социальных механизмов, программ и проектов социального и гражданского включения молодёжи. Наиболее значимым направлением молодёжной политики является развитие гражданской ответственности молодого поколения через создание условий для участия молодых в жизни общества.

Важно указать еще на одно измерение молодёжной политики как научного конструкта. Речь идет о типологии молодёжной политики в зависимости от основных субъектов ее реализации. Выделяется государственная молодёжная по-

литика, «где субъектом является государство в лице его специальных органов, деятельность которых в большей или меньшей степени связана с развитием человека»¹ и общественная молодёжная политика, в которой субъектом являются политические партии, профсоюзы, молодёжные объединения, религиозные организации, бизнес-структуры. Основным механизмом ее развития видится технология социального межсекторного партнерства государства, некоммерческих организаций, политических структур, бизнеса и самой молодёжи. При этом, такое партнерство может осуществляться в соответствии с тремя основными моделями: субъект-субъектная модель партнерства; субъектно-развивающая модель, и наконец, субъект-объектная модель².

Во втором параграфе «**Молодёжная политика как социальный институт**» исследуются особенности формирования и реализации молодёжной политики, как особого социального института, основной функцией которого является сопровождение молодёжного транзита в трансформирующемся обществе. Молодёжная политика представляет собой достаточно сложный и многомерный социальный институт, в связи с чем, мы полагаем возможным выделить в нем несколько основных уровней.

1. Дискурсивный уровень. Включает в себя общее понимание того, что такое молодое поколение, каково его предназначение, миссия, каковы принципы отношения общества к молодёжи, особенности системы воспитания и т.д. Формулируется на уровне мирового сообщества и отдельной нации. Включает в себя следующие элементы: *цели; принципы молодёжной политики, стратегии, формы и методы реализации молодёжной политики.*

2. Организационный уровень. Молодёжная политика в современных условиях представляет собой комплекс нормативно-правовых актов, регламентирующих работу с молодёжью, а также систему международных, государственных и общественных структур, ее реализующих. Эта система постоянно трансформируется и перестраивается. В зависимости от социокультурных условий молодёжная политика может быть *централизованной и децентрализованной, интегрированной и дифференцированной, а также государственной и общественной.*

3. Программный уровень. Молодёжная политика существует как конкретная деятельность, направленная на молодёжь. В мировой и отечественной практике де-факто в качестве формата презентации деятельности и ее нормирования выступает технология программирования. Поэтому программы, ориентированные на молодёжь, ее интеграцию в общество, являются еще одним аналитическим срезом изучения молодёжной политики.

¹ Ильинский И.М. Молодёжь и молодёжная политика. Философия. История. Теория. М.: Голос, 2001.с. 584

² Подр. см. Молодёжь России в начале XXI века: коллективная монография / под ред. профессора В.М. Филиппова. – М., 2007. – 431 с.

4. Технологический уровень. Особое место при анализе молодёжной политики необходимо уделять технологическому обеспечению деятельности. В данном случае под социальной технологией в молодёжной сфере будем понимать алгоритмические системы описания и реализации деятельности, устойчивые и используемые как на национальном, так и на региональном уровне. Среди наиболее распространенных технологий, используемых в работе с молодёжью во всем мире, является технология социального проектирования, волонтерство и др. Особое внимание при анализе технологического измерения молодёжной политики стоит обращать на особенности непосредственной социальной работы с молодёжью. Автор выделяет две модели такой работы. Первая модель ориентирована на работу с организованной в какую-либо группу (организацию) молодёжью. Вторая предполагает непосредственную коммуникацию с отдельной личностью.

5. Уровень повседневных социализирующих практик. В процессе повседневной коммуникации молодого человека с педагогом, социальным работником, работником молодёжной сферы реализуется непосредственная молодёжная политика. Диспозиции работников молодёжной сферы становятся важным фактором социализации молодёжи, а также фактором эффективности молодёжной политики в целом. Каким бы современным не было молодёжное законодательство, разработанные программы и проекты для молодёжи, технологии молодёжной работы, все это может стать ненужным в случае непрофессионализма и некомпетентности тех, кто повседневно коммуницирует с молодыми людьми.

Молодёжная политика представлена в мировой практике разнообразными моделями. Представим их авторскую классификацию. В качестве основного критерия классификации используется доминирующий в обществе дискурс относительно молодёжи, а именно, преобладание проблемного или ресурсно-ориентированного отношения к молодому поколению. Оба типа дискурса включают в себя два смысловых слоя, по-разному определяющие понятия «проблема» и «ресурс». В проблемно-ориентированном подходе выделяются следующие трактовки концепта «проблема»:

- «Проблемы молодёжи», как комплекс специфических для данной жизненной фазы человека затруднений, возникающих в процессе его транзита во взрослость. Основная деятельность государства и общества сводится к решению или оказанию помощи молодёжи в решении указанных проблем. В такой ситуации модель молодёжной политики можно определить как *«молодёжную социальную политику» (МСП).*

- «Молодёжь как проблема». Данная система диспозиций базируется на представлениях о молодости как периоде проблемности для остальной части общества. Зачастую эта проблемность несет реальную угрозу обществу и системе воспроизводства, но чаще речь идет скорее о моральных паниках, нежели о реальной проблемности. В такой ситуации на первое место выхо-

дит деятельность общества и государства, направленная на постоянный контроль за транзитом молодёжи, ее повседневными практиками. Такую модель молодёжной политики будем называть – *«молодёжная политика социального контроля» (МПСК)*.

В ресурсно-ориентированном подходе выделим следующие трактовки понятия «ресурс»:

■ Утилитарная трактовка понятия «ресурс». Молодёжь рассматривается как ресурс реализации каких-либо политических решений, проектов, программ. Смысл молодёжной политики сводится к одновременному или достаточно быстрому, искусственному транзиту молодого поколения с целью резкого обновления социальной структуры общества. Такой тип молодёжной политики будем называть *«мобилизационная молодёжная политика» (ММП)*.

■ Ценностно-ориентированная трактовка понятия «ресурс». Молодёжь определяется как стратегическая ценность для развития общества. Общество создает условия для развития потенциала молодых людей, последовательно и планомерно развивая их лучшие качества. Основная задача молодёжной политики – это использование феномена транзита для развития инновационного, интеллектуального, нравственного потенциала молодого поколения. Такую модель молодёжной политики мы будем называть *«моделью социального воспитания» (МСВ)*.

В завершение параграфа сформулировано авторское определение современной молодёжной политики. *Молодёжная политика – это сложная, многомерная система дискурсов, диспозиций, программ и проектов, деятельности социальных и политических структур, конкретных социальных практик работы с молодёжью, ориентированных на управление транзитом молодёжи и формирование у нее жизненных стратегий, ценностных ориентаций, повседневных практик.*

В третьем параграфе «Реализация молодёжной политики в современной Европе: основные модели, механизмы, направления» осуществлен анализ процесса институционализации молодёжной политики в объединенной Европе. Выделены три этапа в процессе ее формирования и развития: *этап артикулирования молодёжного вопроса*, первичной его постановки, как государственной и общественной проблемы (нач. 20 века – 60-е гг. 20 в.), *этап «молодёжных революций» 60-х годов XX века*, *современный этап системной молодёжной политики* в Европе, который начался с 1982 года, когда был создан Межправительственный экспертный комитет по вопросам молодёжи (САНЖЕ).

Сегодня можно сделать вывод о стремлении европейских чиновников выстроить новую модель межнациональной и национальной молодёжной политики, базирующуюся на принципах социального воспитания и получившую на-

звание «интегрированная молодёжная политика»³. В рамках данной модели предполагается преемственность программ в отношении детей, подростков и молодёжи, что создает условия для формирования единого воспитательного пространства.

Важнейшим инструментом реализации европейской молодёжной политики является технология, получившая название «открытый метод координации» (*open method of coordination*). Его суть в гибкой системе взаимоотношений межнационального, национального, регионального уровней при разработке и конкретной реализации молодёжной политики, которая сводится к двум основным направлениям: разработка и реализация конкретных программ для молодёжи; развитие механизмов включения молодых людей в разработку и реализацию молодёжной политики, а также проблем своего региона, государства и Европы в целом. В рамках функционирования технологии *open method of coordination* происходит определение и формулирование общеевропейских целей молодёжной политики, определении основных технологий, критериев оценки эффективности работы с молодым поколением, разработка механизмов обмена опытом. При этом действует принцип, так называемого, «мягкого законодательства» («*soft-law*»), когда разработанные на общеевропейском уровне концепции и нормы не являются обязательными в рамках реализации национальной молодёжной политики. Представляется важным, что технология *open method of coordination* активно внедряется и в практику деятельности отдельных национальных государств, создавая вариативность для молодёжной политики на уровне отдельных регионов. Таким образом, важной особенностью современной европейской молодёжной политики является ее регионализация, проявляющаяся в перенесении «центра разработки и принятия решения» на уровень местного сообщества (*community-oriented youth work*). Это позволяет осуществлять работу, исходя из особенностей той локальности, в которой протекает жизнедеятельность молодого человека. Такой подход выгодно отличает европейскую молодёжную политику от российской, базирующейся на принципах унификации.

Несмотря на кажущуюся привлекательность европейской модели молодёжной политики, стоит отметить, что зачастую она носит декларативный характер. Её основные положения, призванные изменить европейский дискурс о молодёжи, наталкиваются в ряде европейских государств на конформизм и отсутствие реальной заинтересованности в реализации эффективной молодёжной политики на национальном уровне. Это проявляется в несовпадении принципов и форм работы с молодёжью, определяемых на межна-

³ См. напр. Williamson, H., *Supporting young people in Europe: principles, policy and practice. The Council of Europe international reviews of national youth policy 1997-2001 – a synthesis report*, Strasbourg, 2002.

циональном уровне, и реальных национальных механизмов политики в области молодого поколения.

В четвертом параграфе «**Формирование института молодёжной политики в России**» исследуются особенности формирования и развития государственных и общественных механизмов сопровождения молодёжного транзита в истории России. Автор обосновывает положение о циклическом характере взаимоотношений в системе «государство-общество-молодёжь», предлагая собственную концепцию институционализации российской молодёжной политики. В истории взаимоотношений российского государства и молодёжи выделяется пять циклов, в рамках которых прослеживается несколько повторяющихся фаз. **Первая фаза**—мобилизация. Интерес государства к молодому поколению возрастает в периоды модернизации жизнедеятельности общества. В этой ситуации слабо интегрированная в социальную структуру молодёжь становится важнейшим ресурсом инноваций. **Вторая фаза**—рост самоорганизации молодёжи. Внимание государства и общества к молодёжи ведет к росту ее самосознания, гражданственности, социальной ответственности, что проявляется в появлении большого числа разнообразных молодёжных формальных и неформальных объединений, групп и т.д. **Третья фаза** — структурирование системы государственной молодёжной политики. На этой фазе объектом деятельности государства становится управление процессами самоорганизации молодёжи, интеграция жизненной энергии молодого поколения в новую модернизированную социально-экономическую структуру. В рамках первой и третьей фазы можно наблюдать существование двух аттракторов, которые создают «зоны» деструктивности и конструктивности. В рамках первой фазы — это аттракторы социальной интеграции и социальной дезинтеграции. Модернизация и потребность в инновациях усиливает постоянно существующее межпоколенческое напряжение. В этой ситуации государство может избрать путь усиления этого напряжения (аттрактор социальной дезинтеграции) или его снижения и осуществления модернизации в рамках циркулирующих в обществе культурных программ (аттрактор социальной интеграции). Третья фаза включает аттракторы социального партнерства и социального контроля. Государство в ситуации роста молодёжной самоорганизации и снижающегося (в результате завершения модернизационных процессов) спроса на молодёжную активность и инициативу должно «решить», готово ли оно к полноценному сотрудничеству с молодёжью (аттрактор социального партнерства) или не готово, что ведет к усилению социального контроля за молодым поколением (аттрактор социального контроля).

Автором выделяются пять циклов, в рамках которых происходит воспроизводство сходных паттернов в системе взаимоотношений «государство-общество-молодёжь» (см.таблицу 1).

Таблица 1. Основные циклы молодёжной политики в России

Цикл	Фаза мобилизации	Фаза самоорганизации	Фаза структурирования
1696-1801	Реформы Петра I. Опора на молодое поколение дворян.	Отсутствует	Рост социального контроля. Проект воспитания «новой породы людей» И.И. Бецкого.
1801-1917	Реформы Александра I, при участии Негласного комитета.	Движение декабристов, рост студенческих общественных объединений, молодёжное революционное движение	Рост социального контроля. Запрет студенческих объединений. Утверждение классицизма в системе образования. Государственная регламентация общественной молодёжной политики.
1917-1953	Большевистская мобилизация молодого поколения.	Рост общественно-политического молодёжного движения, в том числе «не пролетарской» направленности.	Рост социального контроля, через создание единой массовой молодёжной организации (ВЛКСМ)
1953-1985	Хрущёвская «оттепель». Мобилизация молодого поколения для модернизации советской системы.	Рост неформальных объединений и групп молодёжи, молодёжные субкультуры, движение «шестидесятников», коммунарское движение	Рост социального контроля. Прямой запрет неформальных объединений, усиление роли комсомола.
С 1985	«Перестройка» - очередной этап мобилизации молодёжи.	Появление широкого спектра неформальных молодёжных объединений, субкультур, общественно-политических движений.	Усиление социального контроля. Создание контролируемых государством молодёжных движений. Государственная регламентация общественной молодёжной политики.

Анализ взаимоотношений в системе «государство-общество-молодёжь» позволяет выделить ряд деструктивных паттернов, воспроизводимых российским государством на протяжении нескольких последних веков. Во-первых, активная эксплуатация правящей элитой межпоколенческого напряжения и создание искусственных механизмов его усиления. Во-вторых, тяготение государственных структур к усилению социального контроля над молодёжными объединениями, инициативами, не вписывающимися в контекст официальной политики государства. В-третьих, социальный контроль над другими институтами гражданского общества, пытающимися выстроить систему общественной молодёжной политики.

Важнейшей проблемой молодёжной политики российского государства в начале нового столетия является вопрос ее дифференциации. Попытка унификации работы с молодёжью, предпринятая в начале 90-х годов, не принесла серьезных результатов. В этом контексте необходимо ставить вопрос о регионализации молодёжной политики, базирующейся на локальных особенностях того географического и социокультурного пространства, в котором протекает жизнедеятельность молодого человека.

Во второй главе «Государственная молодёжная политика российских регионов» исследуются особенности формирования и реализации новейшей государственной молодёжной политики в российских регионах. Автор, указывая на чрезмерную унификацию РМП, доказывает, что осуществление работы с молодым поколением без учета локальной специфики ведет воспроизводству в молодёжной среде деструктивных практик и стилей жизни.

В первом параграфе «Жизненные стратегии и социальные практики провинциальной молодёжи как предмет региональной молодёжной политики» обосновывается авторский подход к содержанию и формам региональной молодёжной политики. Транзит большей части молодых провинциалов в значительной мере отличается от сверстников из «глобального города» и определяется амбивалентной социализацией, под которой понимается симбиоз двух культурных программ, транслируемых центром и периферией. Центр формирует культурные цели и ценности, жизненные смыслы, критерии успеха, уровень притязания и т.д. При этом социокультурное поле провинции трансформирует эти цели и смыслы, адаптируя их к социально-экономическим условиям территории и особенностям социальной структуры периферии. Проведенное автором исследование позволяет говорить о том, что жизненные приоритеты молодёжи мегаполиса и провинции лежат в одной плоскости и являются содержанием ценностно-нормативного ядра современной российской молодёжи, что подтверждается и другими российскими социологами⁴.

*Таблица 2. Ценностно-нормативное ядро российской молодежи
(%, от числа ответивших)*

Приоритеты на ближайшие пять лет	Молодёжь Санкт-Петербурга		Молодёжь провинции			
			Региональный центр		Малые города, село	
	%	ранг	%	ранг	%	ранг
Получить хорошее образование	78,8	1	75,5	1	79,6	1
Удачно трудоустроиться	55,4	2	64,5	2	67,4	2
Сделать карьеру	44,6	4	39,8	5	36,1	5
Создать собственную семью	33,3	5	45,5	4	44,5	4
Добиться хорошего материального положения	48,8	3	50,4	3	54,9	3

В то же время возможности для реализации жизненных планов в провинции значительно ниже, чем в «глобальном» городе. Это формирует определенные типы жизненных стратегий провинциальной молодежи, направленные на преодоление противоречий амбивалентной социализации.

⁴ См. напр. Ильин В.И. Быт и бытие молодёжи российского мегаполиса: социальная структура повседневности общества потребления. СПб.: Интерсоцис, 2007. 338 с. Лисовский В.Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодёжи России: учебное пособие. – СПб.: СПбГУП, 2000. – 519 с.

1. *«Бегство» из провинции.* Наиболее распространенной стратегией преодоления противоречий амбивалентной социализации является географическая мобильность. Данная стратегия распространена не только в среде молодых «интеллектуалов», часто она воспроизводится молодыми людьми, не обладающими достаточными материальными и интеллектуальными ресурсами. В этом случае их ждет либо возвращение в провинцию, либо полунигищенское существование в мегаполисе. Обычно такие провинциалы, вырвавшиеся в столицу, трудоустраиваются на низко оплачиваемые и мало престижные должности, которые не готовы занимать молодые люди «центра» или же пополняют ряды криминальных или полукриминальных структур. Как справедливо отмечает В.Ф. Левичева, «переезд в большой город, перемена среды общения, как правило, сопровождаются нарастающей психологической напряженностью при сужении возможностей самоопределения молодого человека. Юноши и девушки склоны замыкаться в компаниях таких же «лимитчиков», а большой город с его культурным и коммуникационным потенциалом нередко остается для них чужим»⁵. Особое место в данном контексте занимают молодые люди, чья попытка закрепиться в социальной структуре глобального города, оказалась неудачной. Возврат в провинцию часто ведет к социокультурному самоисключению, социальной и гражданской апатии, жизненной «слепоте», когда молодой человек не видит возможностей и перспектив своего существования в пространстве периферии.

2. *Вытеснение культурных программ глобального города.* В среде провинциальной молодёжи с низким аскриптивным статусом, не имеющей ресурсов для восходящей географической мобильности, распространена жизненная стратегия, ориентированная на притворное пренебрежение культурными целями и образцами центра, их игнорирование и демонстрация их неважности и незначимости. Подобная стратегия часто встречается в среде «молодых взрослых» (24-30 лет), уже имевших попытки реализации культурных программ «глобального» города. Результатом вытеснения культурных программ «глобального» города становится субъективно переживаемое недовольство собственной жизнью, отсутствие в ней целей и смыслов. Более 51% из числа «молодых взрослых» провинции, по результатам исследования автора, демонстрируют недовольство своей жизнью, при этом этот показатель возрастает с увеличением возраста человека. Из числа тех, кто недоволен своей жизнью, 45,1% указывают на то, что они не видят возможностей для реализации себя в рамках провинции. Свое будущее с ним связывают только 5,9%.

3. *Имитация жизненных стилей глобального города.* Большой процент молодых провинциалов, особенно в возрасте от 15 до 23 лет, не имеющие реальных возможностей покинуть провинцию, осуществляют попытки реализации культурных программ глобального города в рамках социокультурного поля периферии. Для осуществления данной стратегии необходимо вырваться из поля социально-

⁵ Левичева В.Ф. Молодёжный Вавилон. – М.: «Молодая гвардия», 1989. с. 17.

го контроля традиционных институтов. Важнейшим механизмом этого является провинциальная молодёжная субкультура. Молодёжные субкультуры провинции формируются под влиянием процессов культурной самоорганизации молодёжи центра, их основная задача создать возможность воспроизводства культурных моделей центра в рамках провинции. Кроме этого, важнейшими механизмами, имитирующими жизнедеятельность глобального города, становятся «развлекательные» локальности (кафе, бары, ночные клубы, торговые центры), которые все активнее проникают в пространство провинции, посредством расширения проектов российского бизнеса.

Важное место занимает анализ деструктивных социальных практик, которые являются особым предметом деятельности государственных органов по делам молодёжи. *Деструктивность социальных практик провинциальной молодёжи понимается нами как система действий, ориентированная на разрушение вновь создаваемых государством социальных структур (как систем правил и ресурсов).* Безусловно, сами молодые люди не определяют свое поведение как деструктивное, оно становится таким, только если анализировать его с точки зрения интересов современного российского государства и проблем национальной безопасности. Автор выделяет несколько видов деструктивных практик, циркулирующих в пространстве российской провинции:

- демографические практики, в основе которых лежит раннее деторождение, ведущее, в свою очередь, к большому количеству аборт и отказов от детей.
- деструктивные практики в сфере здоровья, проявляющиеся в широком распространении употребления тяжелого алкоголя, наркотиков, а также других психоактивных веществ.
- деструктивные практики в сфере построения профессиональной карьеры, в основе которых лежит выбор профессии без учета региональных особенностей рынка труда.
- деструктивные гражданские практики, актуализирующие социальную апатию, абсентеизм, низкую социальную и гражданскую активность, стремление, во что бы то ни стало, покинуть провинцию.

Амбивалентность социализации молодых людей, проживающих в социокультурном пространстве российской провинции, требует регионализации и дифференциации государственной и общественной молодёжной политики. Речь должна идти о разработке и реализации особых форм работы с молодёжью в зависимости от того социокультурного пространства, в котором протекает жизнедеятельность молодого поколения.

Во втором параграфе «Формирование системы государственной молодёжной политики в российских регионах» рассматривается процесс возникновения и структурирования РМП как особого социального института. На его формирование оказал влияние ряд макро факторов. Во-первых, становление системы региональной работы с молодёжью проходило в условиях отсутствия

нормативно-правовой и программной базы. Это привело к тому, что РМП по сей день не структурирована с точки зрения ее места в общей системе институтов управляемой социализации молодого поколения. Во-вторых, советская система работы с молодёжью, существующая в условиях тотального социального контроля над основными локальностями, в которых происходила жизнедеятельность молодого человека, не была мотивирована на разработку, апробацию и внедрение эффективных социальных технологий молодёжной политики. Это создало серьёзный технологический кризис в молодёжной сфере, который не преодолен до сих пор. Сегодня молодёжная политика в регионах, главным образом, сосредоточена на тех категориях молодёжи, доступ к которым не представляет затруднений (школьники, учащиеся и студенты). В-третьих, трансформация политического режима государства привела к тому, что большая часть финансовой нагрузки по реализации работы с подрастающим поколением была переложена на региональные органы власти, что привело к стратификации форм и объемов финансирования РМП.

Таким образом, институционализация РМП протекает в условиях, в которых создание действительно эффективных структур представляется затруднительным. Именно это обстоятельство привело к тому, что сегодня институт молодёжной политики во многих регионах ЦФО представляет собой скорее бюрократический механизм генерирования дискурсов о молодёжи и молодёжной политике, нежели эффективный инструмент управления транзитом провинциальной молодёжи. Подтверждением этому служит оценка эффективности региональной молодёжной политики со стороны молодежи, сформулированная по итогам исследований автора. Так, оценку «в целом эффективная» дают 3,4% опрошенных, «эффективная по отдельным направлениям» – 7,9%, «практически во всем неэффективная» – 43,1%, «абсолютно неэффективная» – 12,3%, «затруднились ответить» – 33,3%. Результаты авторского исследования подтверждаются данными, полученными в ходе других социологических исследований близкой тематики (как на федеральном, так и региональном уровне)⁶.

Серьёзной проблемой большей части региональных органов по делам молодёжи стало их «автономное» существование, практически не связанное с повседневной жизнедеятельностью молодёжи региона. Возникла парадоксальная ситуация, когда система РМП реализует огромное количество разнообразных проектов и программ для молодёжи, при этом большая часть молодых людей региона не имеют представления о происходящем. Социологические исследования, проведенные автором в ЦФО РФ, демонстрируют тот факт, что в большинстве регионов информированность молодежи о программах и проектах региональных органов по делам молодежи не превышает 30%.

⁶ См. напр. Иваненков С.П., Кусжанова А.Ж. Молодёжь и государство: инновационные подходы (на материалах Оренбургской области). – Оренбург, 2005. Молодёжь провинции: проблемы и перспективы. – Курск., 2000. – 115 с. Положение тульской молодёжи: состояние, тенденции, перспективы. – Тула, 2004. – 124 с.

Причины невысокой эффективности РМП автор видит не только в макрофакторах, оказывающих влияние на становление и развитие института региональной молодежной политики, но и в устойчивом воспроизводстве значительной частью работников молодежной сферы (исследуемых регионов) неадекватных практик структурирования своей деятельности. Серия глубинных интервью с руководителями органов по делам молодежи ЦФО, дополненные контент-анализом региональных молодежных программ и проектов позволяют выделить ряд деструктивных практик, воспроизводимых ими в процессе структуризации РМП:

1. *Фантомное целеполагание.* Под целями-фантомами будем понимать семантические конструкции, не содержащие в своей структуре элементов самопроверки и критериев достижимости. Цели-фантомы активно проникают в сознание работников молодежной сферы, создавая деструктивные ментальные модели, в рамках которых практически любое действие, молодежное мероприятие может быть вписано в фантомную целевую конструкцию.

2. *Дискретность деятельности.* Значительные социальные «зоны» во времени и пространстве жизнедеятельности молодого поколения оказываются исключенными из системы работы с молодым поколением. Дворовые компании молодежи, молодежные субкультуры, многие провинциальные общежития превращаются в вечернее и ночное время в «зоны» деструктивной социализации молодого поколения, воспроизводящие алкоголизм, наркоманию, насилие, экстремизм и т.д. Важнейшим проявлением дискретности региональной системы работы с молодежью является ее акционно-мероприятийный характер. Работа с молодежью не носит непрерывного характера, траектория ее движения выстраивается от одного мероприятия (акции) к другому. При этом зачастую эти мероприятия в содержательном плане не связаны друг с другом.

3. *Деформированность критериев оценки эффективности РМП.* Потребность в разработке четких и легко идентифицируемых индикаторов, позволяющих замерить эффективность той или иной деятельности, в последнее десятилетие усиливается среди региональной политической элиты. При этом, несмотря на кажущийся прогресс в этой сфере, в действительности же проблема оценки качества деятельности так и остается в большинстве случаев нерешенной. Причина заключается в том, что в качестве индикаторов используются не целевые характеристики деятельности, а критерии, не имеющие прямого отношения к измерению ее качества, такие как количество участников мероприятий, процент молодежи, охваченной деятельностью органов по делам молодежи и т.д.

Сегодня в большинстве российских регионов сформировался институт молодежной политики, как система специализированных органов в структуре региональной и муниципальной власти, молодежных учреждений и служб. Это обстоятельство позволяет рассматривать его как действенный механизм сопровождения транзита большей части провинциальной молодежи. В то же время,

модернизация общества, осуществляемая современным российским государством, требует решения ряда проблем в сфере оптимизации деятельности органов РМП. Среди наиболее значимых проблем, выделим:

1. Незавершенность и унификация регионального законодательства в сфере реализации РПМ.
2. Бюрократизация органов по делам молодежи, их серьезная зависимость от администрации региона, ее сиюминутных политических задач.
3. Низкий кадровый потенциал РМП, отсутствие эффективной системы подготовки и переподготовки работников молодежной сферы.

Отсутствие адекватно сформулированной миссии региональных и муниципальных органов по делам молодежи, привело в начале 21 века к трансформации (части из них) их организационно-правового статуса (от отдельных структур в системе региональных органов власти к структурным подразделениям комитетов и департаментов региональных администраций). Важнейшей же проблемой большинства региональных структур по делам молодежи стало «автономное» их существование, практически не связанное с повседневной жизнедеятельностью молодежи региона. Дестандартизация жизненных траекторий молодого поколения привела к исключению молодежных структур из большинства локальностей, в которых проходит жизнедеятельность молодого человека.

В третьем параграфе «Институт семьи в контексте региональной молодежной политики» представлен анализ проектов, программ и конкретных форм деятельности региональных органов по делам молодежи, направленных на развитие молодой семьи, решение социально-демографических проблем провинциальной молодежи.

Социально-демографическая политика является на сегодняшний день одним из приоритетных направлений деятельности российского государства. Автор, анализируя семейную политику, доказывает, что она зачастую является неэффективной. Нередко деятельность государственных структур способствует воспроизводству деструктивных практик провинциальной молодежью. Большинство имеющихся на сегодняшний день проектов не подкреплены конкретными социальными технологиями, контрэнтными особенностям российской провинции, что затрудняет их реализацию.

Анализируя региональную политику в отношении молодой семьи, выделим несколько основных направлений.

1. *Демографическая политика, ориентированная на повышение деторождения.* Основной социальной технологией, используемой российским государством для повышения рождаемости и стимулирования молодых семей к увеличению количества детей, является так называемый «материнский капитал»⁷. Попытки решения демографических проблем посредством достаточно примитивных социальных ин-

⁷ ФЗ №256-ФЗ от 29.12.2006 года «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей».

струментов (таких как финансовое стимулирование рождаемости) без учета региональной специфики не только не способствуют трансформации деструктивных демографических практик, но и создают ситуацию их латентного воспроизводства. Причины невысокой эффективности социальной технологии «материнского капитала» связаны: во-первых, с ограниченностью возможностей использования средств «материнского капитала», во-вторых, с отсутствием адекватного экономического расчета в отношении региональных особенностей использования финансовых средств. В таких условиях молодые родители, принимая решение о рождении второго (и последующих детей), по-прежнему не связывают это событие с возможностью получения поддержки от государства, рассматривая «материнский капитал» как некий виртуальный продукт, использование которого затруднено.

2. Деятельность, направленная на сокращение количества разводов в молодых семьях. Достаточно высокий рост разводов в молодых семьях, проживающих в провинции, во многом связан с политикой повышения рождаемости. Стимулирование деторождения включает в себя, в том числе, и мероприятия, направленные на поощрение ранних браков. Поскольку наиболее толерантной к ранним бракам является молодёжь периферии, именно она, в силу указанных обстоятельств, и демонстрирует высокий уровень разводов. Данное направление в деятельности региональных органов по делам молодёжи является наименее разработанным. Несмотря на то, что проблема разводов в молодых семьях активно вводится в публичный дискурс, механизмы ее решения на региональном уровне практически отсутствуют. Для решения указанной проблемы государственным органам необходимо транслировать в своих действиях социокультурную программу «глобального города», в контексте которой процесс создания семьи переносится на более поздний срок (27-30 лет), являясь осознанным и подготовленным как с экономической, так и с психологической точки зрения.

3. Социально-психологическая помощь молодым семьям. Особое место в деятельности региональных органов по делам молодёжи занимает работа разнообразных социально-психологических программ, ориентированных на психологическую подготовку молодоженов. В большинстве регионов эта деятельность реализуется через создание и институционализацию клубов «Молодая семья». Ввиду отсутствия достаточного количества специалистов деятельность подобных клубов зачастую является неэффективной. Контент -анализ программ их деятельности в ЦФО демонстрирует преобладание досуговых и коммуникационных форм активности. В условиях российской провинции наличие подобных форм организованного взаимодействия молодых семей является необходимым, но недостаточным условием их сохранения. В программах работы клубов «Молодая семья» отсутствует собственно социально-психологическая тематика, как система целенаправленной работы с трансформацией деструктивных практик молодых людей.

4. *Решение социально-экономических проблем молодой семьи.* Важнейшей социальной проблемой большинства молодых семей является отсутствие собственного жилья. Часто его наличие напрямую связывается с возможностью деторождения. В сознании молодых провинциалов собственная квартира становится необходимым атрибутом семейной жизни, вокруг которой происходит структурирование жизнедеятельности и выработка демографической стратегии. Основным механизмом решения данной проблемы является федеральная программа «Доступное и комфортное жилье – гражданам России», имеющая подпрограмму «Обеспечение жильем молодых семей». Главная проблема при реализации данного проекта заключается в государственной манипуляции с ценами за один квадратный метр жилья. Дотирование молодых семей осуществляется с использованием ценовых показателей значительно ниже рыночных. Ситуация приобретает характер социально-политического спектакля, в котором государственные чиновники, отдавая себе отчет в реальной стоимости жилья, тем не менее, продолжают утверждать и использовать в практике работы не существующие экономические показатели. Такая ситуация резко снижает социальный эффект государственной политики. Достаточно указать, что, например, в Костромской области в 2008 году количество семей, принявших участие в региональной программе «Обеспечение жильем молодых семей», равнялось 107 семьям⁸, что в контексте региональных потребностей составляет не более одного процента.

5. *Развитие института приемных семей.* Понимание государством важности семейного воспитания является причиной широкого развития в последние годы института приемной семьи. Во всех без исключения регионах ЦФО разработаны и реализуются специализированные программы, направленные на развитие механизмов усыновления детей сирот. Несмотря на положительный эффект государственной политики, представляется необходимым указать и на дисфункциональные результаты этого проекта. Важнейшим из них является появление в российской провинции социальной практики «детского рабства». Проведение серии глубинных интервью с детьми, оказавшимися (в настоящий момент уже достигшими совершеннолетия) в приемных семьях, позволяет констатировать наличие случаев фактической эксплуатации детей-сирот в интересах приемных родителей. Оценить уровень распространения подобной практики не представляется возможным, тем не менее сам факт ее существования не вызывает сомнений⁹.

⁸ Реализация молодежной политики в Костромской области / Информационно-аналитический бюллетень администрации Костромской области. 2007. №30 (49). – Кострома, с. 52.

⁹ Подтверждением существования подобной практики в других регионах является серия интервью с Мизулиной Еленой Борисовной, председателем Комитета Государственной Думы по вопросам семьи, женщин, детей. См. например, «Российская Федерация сегодня», №5,

Наиболее важной характеристикой семейно-демографической политики в российских регионах является недифференцированность действий по отношению к региональным и местным особенностям жизнедеятельности молодёжи и молодых семей. Подготовленные на основе федеральных, региональные и местные программы часто не являются реальным и эффективным инструментом решения социальных проблем молодого поколения. Отсутствие достаточного финансирования еще более снижает их потенциал. Семейно-демографическая политика во многих регионах не носит системного характера, сводясь к череде отдельных мероприятий и акций, практически не связанных друг с другом. РМП в отношении молодых семей во многих регионах представляется неэффективной и непродуманной, ориентированной, главным образом, на создание и воспроизводство социально-одобряемого дискурса, нежели на разработку реальных механизмов улучшения жизнедеятельности молодых людей.

В четвертом параграфе **«Модели и формы профилактики девиаций в молодёжной среде»** осуществлен анализ деятельности региональных органов по делам молодёжи в сфере профилактики отклоняющегося поведения молодых провинциалов. Активность региональных молодёжных структур сконцентрирована на трех основных направлениях: молодёжная преступность; употребление и злоупотребление наркотическими и психоактивными веществами; молодёжный экстремизм. Наиболее важное место в работе занимают последние два проявления девиантного поведения.

Деятельность органов по делам молодёжи в направлении профилактики девиантного поведения характеризуется несколькими чертами. Во-первых, современная система работы с молодёжью не имеет ресурсов и социальных механизмов для проникновения в большую часть локальностей, в которых протекает жизнедеятельность современного молодого человека. Во-вторых, важной особенностью системы работы с молодёжными девиациями является ее межведомственный характер, что создает ситуацию отсутствия единого методологического и технологического пространства работы с молодым поколением. В-третьих, особое значение имеет технологическое и кадровое отставание провинции от «глобального города».

Все формы профилактической работы, используемые в практике РМП, разделим на три группы. Первая группа – *«имитационная профилактика»*. В данном случае речь идет об использовании традиционных мероприятий в целях имитирования профилактической работы в среде молодёжи. Вторая группа – *«информационная профилактика»*. К данной группе относятся разнообразные формы информирования молодёжи об опасности злоупотребления наркотическими веществами. Третья группа – *«методы мягкой профилактики»*. Смысл «мягкой профилактики» сводится к включению молодых людей в позитивные

формы организации свободного времени, создание привлекательных ситуаций – образов и т.д. Формы «мягкой профилактики» являются наиболее эффективными, поскольку ориентированы не на прямое воздействие, а на постепенное формирование новой системы диспозиций. Методы «мягкой профилактики» в большей степени чувствительны к профессионализму социальных работников, педагогов, работников молодёжной сферы.

Особым направлением профилактической работы в современных условиях гло-локализации является профилактика молодёжного экстремизма. В большинстве российских регионов отсутствуют специализированные программы, и работа по развитию толерантности сводится к некоторым отдельным мероприятиям, не способным решить проблему. По мнению автора, при организации системной работы по профилактике молодёжного экстремизма возможно использование двух основных моделей, оптимизирующих данный вид деятельности.

1. Модель профилактики, основанная на усилении роли традиционных институтов социализации. В основе данной модели лежит идея сокращения свободного, неконтролируемого пространства социализации молодого человека. Действия государства должны быть направлены на усиление воспитательного воздействия семьи, школы, средне-специальных и высших учебных заведений, молодёжных общественных объединений, средств массовой информации.

2. Модель профилактической работы, ориентированная на снижение деструктивного потенциала молодёжных субкультур. В основе лежит деятельность государства по разработке механизмов, направленных на оптимизацию деятельности разнообразных молодёжных субкультур. Наиболее успешно эта стратегия может быть реализована через развитие экстремальных видов спорта, содержащих элементы риска – альпинизм, спидвэй, сноуборд, скайдайвинг и т.д.

РМП в сфере профилактики девиантных практик молодёжи зачастую является неэффективной. Это связано с отсутствием понимания важности исследования региональных особенностей развития и функционирования деструктивной практики. Попытки унификации профилактической работы с молодым поколением, имитация реальных механизмов ее осуществления, ведут к росту наркотизации, алкоголизации, экстремизации провинциальной молодёжи во многих российских регионах.

В пятом параграфе «Механизмы интеграции и развития социальной активности провинциальной молодёжи» исследуется активность региональных органов по делам молодежи в сфере подготовки и социального включения молодых лидеров в политические, экономические и социальные процессы, происходящие в современной России, реализуемая через институционализацию в регионах молодёжного парламентаризма.

Одной из важнейших проблем современного российского государства является недостаточная интеграция молодого поколения в политические, эконо-

мические и социальные проекты, реализуемые в РФ. Это обстоятельство ставит вопрос о необходимости внедрения механизмов развития гражданской и социальной активности молодежи. В условиях социокультурного поля российской провинции в молодежной среде формируются и воспроизводятся особые деструктивные гражданские практики, в основе которых лежат ценности абсентизма, низкой социальной и гражданской активности, имитации реальной деятельности по решению региональных и местных проблем. Такая ситуация характерна не только для стран, переживающих период трансформации, но и для большинства демократических европейских государств. Именно это обстоятельство вызвало появление ряда европейских нормативно-правовых документов, ориентированных на внедрение механизмов социокультурного и гражданского включения молодого поколения в жизнедеятельность местного сообщества, региона, государства в целом. Важнейшим документом в этом ряду является «Европейская хартия об участии молодежи в общественной жизни на местном и региональном уровне» (2003 г.). Несмотря на то, что Хартия до сих пор не ратифицирована РФ, этот документ во многом определяет контуры развития молодежного представительства в России на современном этапе.

В развитии российского молодежного парламентаризма автор выделяет два этапа. **На первом** (середина 90-х годов 20 века – 2001 год) формирование молодежных парламентских структур носило неорганизованный и стохастический характер. **Второй этап** в развитии российского молодежного парламентаризма начинается с момента создания в июле 2001 года Общественной молодежной палаты при Государственной Думе Федерального Собрания РФ. Анализ особенностей формирования молодежных парламентских структур позволяет выделить три основные формы их создания. **Первая**, наиболее конструктивная форма, базируется на законодательном оформлении практики работы по развитию молодежного представительства. **Вторая форма** – создание молодежных парламентских структур по решению отдельных должностных лиц. В такой ситуации легитимность молодежной парламентской структуры напрямую зависит от отношения к этому проекту «первых лиц» региона. **Третий вариант** базируется на разработке и принятии специальной целевой региональной программы, регламентирующей деятельность молодежного парламента.

Начиная с 2003 года, в РФ происходит активное развитие парламентского молодежного движения. Анализируя динамику развития молодежного парламентаризма в ЦФО, стоит отметить значительный количественный рост молодежных парламентских структур. На сегодняшний день молодежные парламентские структуры есть во Владимирской, Ивановской, Курской, Рязанской, Смоленской, Тамбовской, Брянской, Воронежской, Липецкой, Тульской, Костромской. Среди перечисленных территорий достаточно таких, которые имеют инновационный опыт развития молодежного парламентского движения. Так, например, Рязанская область первой в Российской Федерации получила статус опорно-экспериментального центра по обобщению опыта развития молодежно-

го парламентаризма в Российской Федерации. Во Владимирской области получила развитие уникальная в своем роде модель молодёжного парламентаризма на муниципальном уровне (города Муром, Ковров)¹⁰.

Несмотря на рост молодёжных парламентских структур в регионах РФ, необходимо выделить те дисфункции, которые присутствуют в процессе его институционализации.

1. *Отсутствие политического доверия со стороны региональных органов власти.* Большинство региональных молодёжных парламентских структур определяются региональной властью как «совещательно-консультативный орган». Это ограничивает компетенцию молодёжного парламента, сводя его деятельность лишь к участию в обсуждении каких-либо значимых региональных вопросов и лишая реальной социальной деятельности.
2. *Неадекватная локализация молодёжных парламентских структур.* В России основной упор делает на создание именно региональных структур, в то время как европейская практика переносит их на уровень небольших сообществ. Уровень проблем российских регионов достаточно сложен и требует серьезного проникновения в сущность социально-экономического положения конкретного субъекта РФ. Решением могло бы стать «перенесение» системы молодёжного представительства на уровень местных сообществ, где актуализируемые проблемы менее масштабны.
3. *Трансформация социальной и гражданской активности молодёжи в бюрократическую.* Политическое недоверие к молодым парламентариям ведет к трансформации смыслов пребывания их в указанных структурах. На первое место выходит потребность получить «место» в региональном органе власти. Это снижает собственно гражданскую активность и формирует у молодых парламентариев адаптационные практики чиновников, построенные на механизмах успешного взаимодействия с руководством, демонстрации лояльности, имитации продуктивной деятельности.
4. *Неадекватная система представительства молодёжи.* Анализ деятельности молодёжных парламентских структур ЦФО свидетельствует о том, что большую часть участников подобных структур составляют студенты. Это серьезным образом снижает эффективность деятельности государства, направленной на социальную интеграцию молодого поколения, поскольку исключает из системы молодёжного парламентаризма большую часть работающей молодёжи.

Молодёжный парламентаризм как социальный механизм интеграции молодого поколения является на сегодняшний день важнейшим инструментом государственной молодёжной политики. В то же время его потенциал на региональном и местном уровне в значительной мере нивелирован за счет не системной деятельности региональных органов по делам молодёжи, институтов зако-

¹⁰ См. напр. Молодёжные и детские общественные объединения: проблемы преемственности деятельности и исследований. М.: Логов, 2002. – 252 с.

нодательной и исполнительной власти. Данное обстоятельство требует поиска новых адекватных для конкретного региона моделей развития системы молодёжного представительства.

В третьей главе **«Альтернативные модели и социальные механизмы сопровождения молодёжного транзита в современном российском обществе»** представлен анализ деятельности некоторых общественных структур, осуществляющих системную социализирующую активность в отношении молодого поколения.

В ситуации, когда РМП не всегда является эффективной, на социальную арену выходят другие институты, чья активность в отношении молодого поколения может быть рассмотрена как общественная молодёжная политика. Автором предпринята попытка проанализировать особенности институционализации общественной молодёжной политики через анализ активности политических партий, Русской православной церкви (РПЦ), бизнес-структур и молодёжных общественных объединений. Выбор данных субъектов обусловлен ростом их активности в сфере разработки и реализации молодёжных проектов, а также высоким потенциалом каждого из них в области сопровождения молодёжного транзита.

В первом параграфе **«Молодёжная политика российских политических партий: опыт дискурсивного и практического анализа»** осуществлен анализ дискурсивных моделей и деятельности проектов в отношении молодого поколения со стороны российских политических партий, которые являются важным субъектом молодёжной политики в современной России. Это объясняется несколькими обстоятельствами. Во-первых, в политическом поле России по-прежнему сохраняются партийные организации, являющиеся носителями разных ценностных и идеологических моделей. Это создаст пространство для многовекторной политической социализации российской молодёжи, включенной в деятельность разнообразных политических сил. Во-вторых, за годы трансформации постсоветской политической системы произошли значительные изменения в отношении руководителей российских политических партий к молодёжи. Молодое поколение становится одним из приоритетных объектов целенаправленной активности российских политических партий. Активность партийных организаций в отношении него приняла тотальный характер, не ограничивающийся рамками избирательных циклов. В-третьих, политические партии не только осуществляют деятельность, направленную на политическую социализацию молодёжи, но и имеют возможность нормативного определения и перепределения институциональных условий, в которых осуществляется транзит и социальная интеграция молодого поколения, через участие в разработке, принятии и реализации политических решений, как на федеральном, так и на региональном и местном уровне. В-четвертых, политическая партия является на сегодняшний день практически единственным институтом, который предлагает молодому поколению стройные мировоззренческие системы, интериоризация

которых формирует определенные жизненные стили и поведенческие практики больших групп молодежи.

Несмотря на политическую ориентацию, большинство партий современной России способствуют воспроизводству молодыми людьми деструктивных гражданских практик. Часть из них транслируется политическими партиями открыто (призывы и включение молодых людей в экстремистскую активность), но часть представляет собой непреднамеренные последствия, казалось бы конструктивной активности партийных организаций России. Их работа с молодежью строится по единой схеме, с использованием общей социальной технологии. В ее основе лежит инициирование и создание одного или нескольких общественных объединений. Несмотря на то, что в уставах большинства из них они рассматриваются как самостоятельные общественные объединения, в программах их деятельности четко отражается их зависимость и подчиненность партийным структурам. Такая ситуация ведет к разрушению в массовом сознании молодых людей, претендующих на то или иное место в системе политической власти России, сущности и смысла политической и гражданской организации (общественного объединения). «Нормальное» восприятие этого своеобразного «политического аутсорсинга» со стороны политической организации формирует у будущей политической элиты неадекватное отношение к ценности и практике соблюдения законности. Особенно остро эта проблема стоит в региональных отделениях молодежных объединений при политических партиях. Серия глубинных интервью с руководителями региональных отделений «Молодой гвардии» в Костромской, Ивановской и Владимирской областях демонстрирует полную зависимость молодежных объединений от партийных структур в выработке не только стратегических решений, но и в разработке традиционных акций и мероприятий.

Основное внимание автора было сосредоточено на исследовании особенностей молодежной политики двух российских партий – КПРФ и «Единой России» (ЕдРо). Такой выбор обусловлен системностью (или, по крайней мере, претензией на системность) их деятельности в отношении молодого поколения.

Молодежная политика КПРФ является сугубо утилитарной и ориентирована на расширение численности партии и её модернизацию посредством привлечения новых молодых членов. Основным идеологическим стержнем молодежной политики партии является идея построения социалистического государства. На практике реализация основных направлений концепции молодежной политики КПРФ затруднена. Особенно явно это проявляется на региональном уровне. Низкая численность региональных отделений Союза коммунистической молодежи (СКМ), а также продолжающееся «старение» КПРФ ведет к невозможности реализации концептуальных положений молодежной политики партии. В такой ситуации РМП КПРФ сводится к нескольким проектам. Среди наиболее важных с точки зрения решения проблем провинциальной молодежи выделим следующие:

1. Оптимизация региональной законодательной базы, касающейся молодёжи.
2. Развитие системы подготовки региональных молодёжных лидеров.
3. Включение молодых сторонников партии в деятельность регионального отделения партии. В отличие от ЕдРо, предоставляющей молодым сторонникам партии 20% мест в избирательных списках (на выборах разных уровней), КПРФ предлагает своим региональным отделениям выделять те же самые 20% для включения молодых людей в руководящие органы самих партийных организаций всех субъектов РФ.

Молодёжная политика КПРФ представляет собой скорее дискурсивную модель, построенную на принципах мобилизационной молодёжной политики, нежели реальный механизм сопровождения транзита российской молодёжи. Особенно явно это проявляется на региональном уровне, где наиболее острые проблемы провинциальной молодёжи в большинстве своем даже не артикулируются региональными отделениями КПРФ и СКМ.

Начало молодёжной политике ЕдРо было положено в 2000 году, когда была инициирована и юридически зарегистрирована молодёжная общественная организация «Молодёжное Единство». Переход к системной работе произошёл в 2005 году, когда по инициативе руководства ЕдРо молодёжная организация была переименована в «Молодую гвардию» Единой России (МГЕР).

Идеологически молодёжная политика ЕдРо базируется на трех основных элементах: личном успехе, который достигим только в успешной команде, под которой имплицитно понимается МГЕР; развитии поколенческой идентичности, через введение понятия «историческая миссия поколения» и противопоставление себя «неуспешному» предыдущему поколению; патриотизме, как установке на любовь к «своему» в противовес «чужому».

Особого внимания при анализе идеологического обоснования молодёжной политики ЕдРо заслуживает тема отношения между поколениями, активно используемая в полуофициальных (созданных непосредственно для молодёжи) текстах и документах. Тема неэффективности предыдущего поколения, необходимость его быстрой замены является ключевой в системе обоснования деятельности по реализации молодёжной политики.

Политика ЕдРо в отношении молодого поколения демонстрирует все черты мобилизационной молодёжной политики, что проявляется не только на уровне дискурсивного сознания, но и на уровне практических действий.

Мобилизация молодого поколения осуществляется ЕдРо по нескольким основным направлениям.

1. *Экономическая мобилизация.* Главным предметом экономической мобилизации является попытка решения хотя бы части молодёжных социальных проблем (например, обеспечение жильем), а также помощь в строительстве объектов политического представительства нашей страны (инфраструктура для Олимпиады в Сочи и др.).

2. *Мобилизация для решения проблем местного самоуправления.* Основная задача данного направления – это сформировать активную группу молодёжи, представляющую различные сферы жизнедеятельности, способную инициировать и претворять в жизнь важные проекты в системе местного самоуправления регионов.

3. *Государственная мобилизация.* Направление ориентировано на поиск, обучение и интеграцию новых управленческих кадров из среды молодёжи. Для реализации этого направления был разработан проект, получивший название «ПолитЗавод». Суть данного проекта сводится к привлечению, обучению и включению в систему региональной исполнительной и законодательной власти молодых людей.

Несмотря на конструктивную активность в отношении молодого поколения, укажем на некоторые обстоятельства, позволяющие определить действия партии как деструктивные. Во-первых, опора на механизмы межпоколенческого напряжения, ведущие к дезинтеграции общества. Во-вторых, стремление политических партий к реализации «уличной политики», которая в современных условиях роста молодёжного абсентеизма возможна только как коммерческая деятельность. В-третьих, наиболее конструктивные проекты ЕдРо, такие как «ПолитЗавод», в практике деятельности региональных отделений зачастую используются для решения собственных корпоративных задач. Все вышеизложенное, хотя и выглядит незаметным на фоне громких заявлений и крупных межрегиональных проектов, тем не менее, способствует усилению и воспроизводству многих гражданских и политических деструктивных практик. В сложившейся ситуации возникает потребность в разработке индикаторов эффективности молодёжной политики российских партий, поиске новых социальных механизмов ее оптимизации. Особого внимания требует развитие конструктивной многовекторности и многополярности политической социализации молодого поколения, что становится возможным в условиях окончательной институционализации демократической партийной системы в РФ.

Во втором параграфе «Концепция молодёжного служения – основа молодёжной политики Русской православной церкви» осуществлен анализ основных проектов Русской православной церкви (РПЦ) в отношении российской молодёжи.

Автор выделяет два этапа в процессе институционализации молодёжной политики РПЦ. **Первый этап** (1991-2000 гг.) характеризовался отсутствием в дискурсивном сознании большинства служителей церкви понимания необходимости особых форм и методов работы с молодёжью. **Второй этап** (с 2000 года) ознаменовался трансформацией дискурсивного сознания чиновников РПЦ и изменением отношения к молодёжи. Молодое поколение стало маркироваться как особая социальная группа, требующая, соответственно, особых форм работы с ней. Начиная же с 2008 года, практически во всех документах РПЦ работа с молодым поколением рассматривается не только в контексте интересов пра-

вославленной церкви, но и всего российского общества в целом. Воцерквление молодёжи становится средством социального воспитания молодого поколения. Формируется особый механизм такого воспитания, который включает следующую последовательность социальных действий:

1. Воцерквление.
2. Интериоризация ценностно-нормативной модели (ЦНМ) православия (служение Богу, Отечеству, ближнему).
3. Реализация ЦНМ православия в повседневной жизни человека.
4. Трансляция ЦНМ православия в ближайшее сообщество.
5. Системная интеграция российского общества на основе ЦНМ православия.

Представленный механизм социального воспитания молодёжи является достаточно конструктивным и реалистичным с точки зрения его реализации.

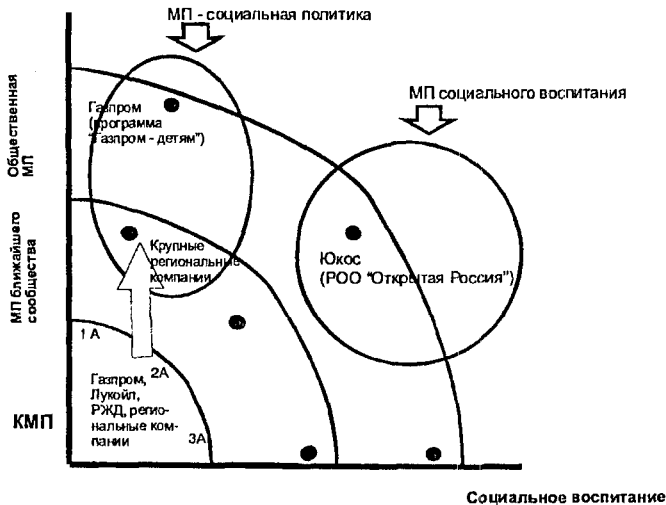
Особое место в работе РПЦ занимает поиск новых форм привлечения молодёжи в православие. Все они могут быть разделены на три группы. Первая группа – *традиционные церковные формы*. К ним относятся: традиционная проповедь во время служб, работа с детьми воцерквленных родителей, молодёжные крестные ходы. Вторая группа – *традиционные светские формы*. РПЦ активно использует методы и формы работы с молодым поколением, распространенные в практике молодёжных и образовательных учреждений: детские и молодёжные православные форумы и лагеря; православные Интернет – проекты; инициирование молодёжных общественных объединений. Третья группа – *инновационные формы работы с молодёжью*. Понятие инновационности употребляется достаточно условно, тем не менее, его использование позволяет отнести к третьей группе такие методы, которые практически полностью рассогласуются с общепринятым восприятием РПЦ. Во-первых, создание специальных локальностей, в которых синтезируются молодёжные повседневные практики и ценностно-нормативная модель православия. Подобные локальности искусственно внедряются в наиболее деструктивные и слабоуправляемые «зоны» жизнедеятельности молодого поколения. Наиболее ярким проектом последних лет является продвижение идеи создания в регионах страны сети православных кафе, баров и ночных клубов для молодёжи. Во-вторых, работа с молодёжными субкультурами. В первую очередь, речь идет о псевдо религиозных субкультурах, к которым сегодня можно отнести, например, движение «релевиков». Кроме этого внутри церковной организации активно пропагандируется и работа с субкультурами роллеров, скейтеров, байкеров и т.д. В контексте настоящего исследования представляет интерес фактор регионализации молодёжной политики РПЦ, который проявляется в перенесении центра разработки и принятия решений, касающихся работы с молодёжью, на уровень епархии и отдельного прихода. Важнейшим элементом организационной системы молодёжной политики РПЦ на сегодняшний день является православный молодёжный центр (клуб), действующий по месту жительства. Он работает практически круглосуточно и позволяет «стягивать» вокруг себя подростков и молодых людей из «социального дна», чья жизнедеятельность в большей степени проходит на улице.

В основе конкретной деятельности РПЦ лежит социальная технология молодёжного служения, базирующаяся на четырех основных принципах: деятельности, добровольчества, сотворчества и активного преобразования социальной среды на основе ценностно-нормативной модели православия. Молодёжное служение затрагивает практически все сферы жизнедеятельности общества и при определенных условиях может стать действительно эффективной технологией развития духовности, социальной и гражданской активности российского общества. Институционализация молодёжной политики РПЦ представляет собой важный социальный процесс, в основе которого лежит идея развития механизмов общественной молодёжной политики, а также разработки и реализации проектов интегрированной (государственно-общественной) политики в отношении молодого поколения.

В третьем параграфе «Молодёжная политика российского бизнеса» рассматривается процесс институционализации политики российских бизнес-структур в отношении молодежи, который может быть конструктивно описан с использованием авторской модели. Она позволяет не только разместить типы молодёжной политики российского бизнеса в двумерном параметрическом пространстве, но и проследить и спрогнозировать динамику развития молодежных проектов и программ российских предприятий и компаний.

Схема 1. Молодёжная политика российского бизнеса.

Социальный эффект

Можно выделить три «зоны» реализации молодёжной политики российского бизнеса: предприятие (корпоративная молодёжная политика, КМП); ближайшее сообщество (молодёжная политика ближайшего сообщества); регион или все российское общество в целом (общественная молодёжная политика). Выделенные «зоны» могут одновременно рассматриваться и как фазы развития молодёжной политики конкретного предприятия.

Наиболее распространённым типом работы с молодёжью на сегодняшний день является КМП, которая становится практикой многих компаний, независимо от статуса и размера. Реализация КМП во многом зависит от особенностей окружающей социальной среды, что формирует потребность в её частичной структуризации и создании локальностей, в рамках которых возможна подготовка молодых специалистов для нужд конкретного предприятия. Основной формой работы в социальном поле ближайшего сообщества является профессиональная ориентация и профессиональная подготовка молодых людей для конкретной компании. Реализация молодёжной политики в социальном контексте ближайшего сообщества в большей степени ориентирована на взаимодействие с уже существующими социальными структурами, в то время как опыта создания собственных площадок на уровне региона или муниципального образования в РФ практически не существует.

Обратившись к анализу «зон» общественной молодёжной политики можно выделить два основных проекта работы с молодым поколением. Первый лежит в плоскости социальной молодёжной политики. Наиболее ярким представителем этой когорты является ОАО «Газпром». Второй проект – это молодёжная политика компании «Юкос», который был первой попыткой российского бизнеса разработать и реализовать в деятельностном режиме систему работы с молодёжью, построенную на принципах социального воспитания.

Детско-молодёжная политика ОАО «Газпром» представляет собой яркий пример зарождающейся в РФ политики социального ответственного бизнеса. Его деятельность регламентируется общероссийской программой «Газпром - детям», которая реализуется более чем в 65 регионах РФ. Основным содержанием программы является строительство спортивных объектов в российской провинции. Выбор формы социального вложения определяется, с одной стороны, государственной молодёжной политикой, с другой же – отсутствием в ОАО «Газпром» четкого представления о действительных проблемах и потребностях молодёжи того или иного региона. Несмотря на безусловную социальную направленность программы «Газпром-детям», осуществляемые компанией мероприятия не являются системными и эффективными. ОАО «Газпром», реализуя собственную молодёжную политику, воспроизводит те же самые деструктивные практики, которые присутствуют в деятельности государственных молодёжных и образовательных структур. В частности, создавая локальности для позитивного времяпрепровождения (спортивные площадки, стадионы и др.), компания не вкладывает средства в привлечение молодёжи, повышение про-

фессионализма спортивных тренеров, создание реальных (а не теле-рекламных) механизмов вертикальной социальной мобильности молодёжи провинции.

Наиболее интересным межрегиональным молодёжным проектом являлась система программ компании «Юкос», ориентированных на формирование нового слоя российских лидеров и предпринимателей. Начало образовательным проектам Юкоса было положено в 1996 году созданием комплексной программы «Новая цивилизация. Молодёжная политика «Юкоса» базировалась на двух основных принципах, типичных для большинства российских моделей социального воспитания, это создание ситуаций – образцов и деятельностное включение молодых людей в процессы самоуправления и управления развитием ближайшего сообщества. Использование системы перемещений ребенка, подростка, молодого человека в похожих ценностно-нормативных и технологических пространствах, создание ситуаций – образцов, использование современных неформальных образовательных технологий (тренинги, деловые, ролевые, имитационные игры), а также включение молодого человека в процессы разработки и принятия решений на самых разных уровнях его жизнедеятельности – все это позволяет рассматривать модель молодёжной политики «Юкоса» как достаточно конструктивную и эффективную.

Трансформация социально-экономической структуры российского общества постепенно приводит к развитию и укреплению российского бизнеса, который начинает все активнее внедрять в практику своего функционирования разнообразные проекты и программы, направленные на молодое поколение россиян. Этот факт является конструктивным и требует разработки и реализации нормативно-правовых мер поддержки подобных инициатив. В то же время развитие социальных программ для молодёжи в контексте реализации корпоративной молодёжной политики является скорее функцией крупных общероссийских компаний, в то время как региональный бизнес пока еще не достаточно «окреп» для разработки и реализации подобных проектов. Действуя в «зоне» ближайшего сообщества и общественной молодёжной политики, российские бизнес-структуры зачастую оказываются «заложниками» государственной модели реализации политики в отношении молодого поколения. Это проявляется в необходимости разработки и реализации проектов и мероприятий, вписывающихся в основные направления государственной молодёжной политики, в ущерб собственным потребностям и интересам. В такой ситуации значительная часть активности российского бизнеса в отношении молодёжи на всех уровнях превращается в имитацию молодёжной политики, в инициирование и воспроизводство проектов, не представляющих действительного интереса для самой молодёжи и того сообщества, в рамках которого они реализуются.

В четвертом параграфе «**Молодёжные общественные объединения как субъект региональной молодёжной политики**» осуществлен анализ участия молодёжных общественных объединений (МОО) в реализации государственной и общественной молодёжной политики.

Особое место МОО обусловлено тем, что в социокультурном контексте периферии (особенно в сельской местности) они являются практически единственным институтом (за исключением некоторой активности отдельных политических партий), реализующем потребность части молодёжи к социальной активности. Слабость, а иногда и отсутствие муниципальных органов по делам молодёжи, современных молодежных центров и клубов превращают МОО в особый тип локальности, построенной на принципах равноправия ребенка и взрослого, снижения социального контроля и поощрения социального творчества. Существовая в физическом пространстве школы, молодёжного учреждения, провинциального дома культуры, МОО формирует особое социокультурное пространство, в контексте которого происходит первичное усвоение молодыми людьми гражданских и социальных практик. К сожалению, как показывает опыт изучения особенностей функционирования провинциальных МОО, их потенциал как институтов развития гражданственности молодёжи практически не осознаётся чиновниками, работниками молодёжной сферы, педагогами. В этой ситуации молодёжные объединения воспроизводят неэффективную и неадекватную современности региональную элиту и лидеров местного сообщества.

В практике реализации РМП положение МОО характеризуется амбивалентностью. С одной стороны, они являются ресурсом молодёжной политики и всячески (по крайней мере на уровне дискурсивных конструкций и правовых норм) поддерживаются государством, с другой – социальный эффект от их деятельности (в частности на региональном уровне) практически незаметен. Более того, и сами МОО в провинции малочисленны и неэффективны. В российских регионах практически полностью отсутствуют собственно молодёжные объединения, созданные по инициативе самих молодых людей. Большинство провинциальных МОО созданы при участии органов по делам молодёжи (и \ или образовательных учреждений). Сегодня они действуют скорее как дополнение к воспитательной системе школы или программе работы органов по делам молодёжи. Трансформация провинциальных МОО идет в сторону все большего превращения их в механизм получения дополнительных бюджетных средств на реализацию мероприятий в области молодёжной политики в рамках отдельного муниципалитета. Так, в частности, исследование провинциальных МОО, проведенное автором, выявило тот факт, что более 21% молодых людей из числа активных участников объединений воспринимают свое МОО как «организацию, созданную государством для решения проблем молодежи», и лишь 6,5% как «форму объединения людей для решения собственных проблем». Кроме этого, контент-анализ программ и проектов деятельности МОО показал, что из 60 программ (взятых для анализа) 48 содержали в формулировках целей и задач два и более специальных (педагогических, психологических, социологических) термина. Все программы содержали также ссылки на основные направления государственной молодёжной политики при условии, что основными участниками объединений являлись молодые люди в возрасте от 15 до 23 лет. В связи с этим мы полагаем, что в постановке целей, задач, определении методов, форм деятельности

молодежных объединений реализованы, в первую очередь, диспозиции педагогов, работников молодёжной сферы, а не самих участников объединений.

Система государственной поддержки МОО, сложившаяся в РФ, провоцирует подобную ситуацию, поскольку в качестве важнейшего требования получения финансовой и организационной поддержки выступает требование соответствия основным направлениям государственной молодёжной политики (ГМП). Молодёжь не мыслит категориями ГМП, более того, зачастую социальные практики молодого поколения и приоритеты государства в отношении молодёжи не совпадают. В такой ситуации потенциал общественного объединения, как инструмента развития гражданственности, социальной и политической активности, не только не используется, но и зачастую всячески подавляется.

Среди основных проблем в функционировании МОО можно выделить следующие. Во-первых, высокий процент молодых людей, идентифицирующих МОО с организацией, созданной государством. Во-вторых, в современных региональных объединениях не достаточно развита система самоуправления и включения подростков и молодёжи в процесс управления своим объединением. В-третьих, дискурс современности все больше базируется вокруг создания и развития социальных сетей, крупных объединений, Интернет-сообществ, социального партнерства. Важно чтобы участники такого партнерства были из разных сфер: государственных органов, бизнеса, НКО. Провинциальные МОО практически исключены из деятельности по развитию социального партнерства в контексте местного сообщества. Она сводится к взаимодействию с органами по делам молодёжи и системой образования. Этого явно недостаточно для полноценного усвоения необходимых социальных навыков и технологий.

Современные провинциальные МОО, являясь важным институтом общественной молодёжной политики, механизмом политической и гражданской социализации провинциальной молодёжи, становятся сегодня все менее эффективными и функциональными. Аккумулируя потенциал социальной активности провинциальных подростков и молодых людей, молодёжные объединения трансформируют его в формы и образцы тех неадекватных структур, которые определяют сегодня жизнедеятельность российской периферии. Имитация социальной деятельности, гражданской активности, неготовность к реальному взаимодействию с другими социальными и политическими институтами, «игровой» характер социального включения активной молодёжи в процессы управления развитием сообщества становятся факторами воспроизводства и развития деструктивных гражданских практик в среде провинциальной молодёжи.

В пятом параграфе «Принципы и условия разработки и реализации региональной молодёжной политики в современной России» представлена практическая модель РМП. Эффективная регионализация молодёжной политики возможна при условии модернизации общегосударственной (национальной) системы работы с молодым поколением. Выделим несколько базовых положений, в соответствии с которыми необходимо переструктурировать институт молодёж-

ной политики, действующий в РФ. **Во-первых**, разработка и реализация молодёжной политики в РФ концептуально должна базироваться на транзитивных концепциях молодости. **Во-вторых**, российскому государству необходимо выработать базовые нормативные принципы в отношении молодого поколения. Основным законодательным актом должен стать Федеральный закон «О молодёжи», выступающий концептуальным стержнем разработки и реализации молодёжной политики. **В-третьих**, федеральный орган по делам молодёжи должен быть самостоятельным министерством, при этом входить в «первый круг» ведомств, обладая контролируемыми функциями в отношении всех других государственных структур, в той или иной степени осуществляющих работу с детьми, подростками и молодёжью. **В-четвертых**, российское государство должно ориентировать свою деятельность на использование в работе с молодым поколением механизмов молодёжной политики социального воспитания. **В-пятых**, во взаимоотношениях федерального центра и отдельных регионов при реализации молодёжной политики необходимо опираться на принцип субсидиарности. При условии реализации данного принципа федеральный орган по делам молодёжи лишь очерчивает пространство социального развития молодёжи, индикаторов ее успешной социализации и завершения транзита. Основная же нагрузка по определению конкретных задач сопровождения молодёжного транзита и социальной интеграции ложится на российские регионы и муниципальные образования. **В-шестых**, «поле» молодёжной политики сегодня очень разнопланово, значительная часть субъектов, осуществляя социализирующие воздействия, способствует воспроизводству деструктивных практик. Институт молодёжной политики должен в качестве предмета своей деятельности рассматривать не только транзит молодого поколения, но и социализирующие действия разнообразных государственных и общественных структур. Это ставит вопрос о необходимости создания особого социального механизма, которым может стать принятие Федерального закона «О воспитательной деятельности в Российской Федерации», который позволит регламентировать социальные и воспитательные технологии, циркулирующие в российской практике работы с молодым поколением¹¹.

РМП как социальный институт представляет собой сложное многомерное явление, что требует при проектировании учитывать все уровни его измерения. Осуществить процесс её концептуализации можно, опираясь на методологический инструментарий, разработанный автором для анализа молодёжной политики как социального института. В этом контексте модель РМП должна включать в себя несколько взаимосвязанных структур, взаимодействие которых является необходимым условием возникновения конструктивных эмерджентных свойств в указанной системе.

¹¹ См. напр. Козлов А.А., Лисовицкий Д.А. Зачем нужен Федеральный закон «О воспитательной деятельности в Российской Федерации», и каким он должен быть / Молодёжная галлактика. 2008. №4, с.28-43.

Дискурсивный уровень РМП базируется на рассмотрении молодёжи того или иного региона как важнейшего ресурса развития территории и проживающего на ней сообщества. Основными целями РМП должны стать следующие:

1. Проектирование, создание и постоянное обновление позитивных локальностей и социальных механизмов для успешного транзита молодёжи и ее социальной интеграции.
2. Выявление структур и специфических социальных механизмов, способствующих воспроизводству типичных для данной «зоны» деструктивных молодёжных практик.
3. Развитие системы интегрированной молодёжной политики, основанной на привлечении к социальному воспитанию молодого поколения широкого спектра общественных институтов.
4. Разработка и внедрение эффективных инструментов социального включения молодёжи в процессы жизнедеятельности территории.

Нормативно - организационный уровень РМП. Региональное молодёжное законодательство концептуально должно базироваться на федеральном законодательстве и разрабатываться с учетом региональной специфики. Необходимо пересмотреть функции региональных органов по делам молодёжи. Они должны быть не только операторами государственной (общенациональной) молодёжной политики, но и разработчиками и координаторами региональной и местной политики. Им необходимо передать функции координации социализирующих воздействий основных акторов, в той или иной степени осуществляющих работу с молодым поколением.

На региональном и местном уровне необходимо создание и развитие служб социальных технологов, подготовленных для работы непосредственно в молодёжном сообществе. Основными функциями социальных технологов являются: выявление, структурирование и продвижение собственно молодёжных инициатив и проектов, а также контроль и трансформация деструктивных молодёжных сообществ.

Важным элементом организационной структуры РМП должен стать Фонд молодёжного сообщества – некоммерческий фонд, основной функцией которого является аккумулирование внебюджетных средств для поддержки и реализации молодёжных проектов и инициатив.

Программный и технологический уровень РМП. В современных условиях на региональном уровне необходимо отказаться от комплексных программ («Молодёжь»), сосредоточив основное внимание на разработке проектов по отдельным направлениям, наиболее актуальным для конкретного региона.

При осуществлении конкретной работы наиболее эффективным представляется использование социально-педагогической технологии «коллективно-творческих дел», разработанной отечественной школой социальной педагогики, а также технологии «action research», использующейся в западной социологии при исследовании и разработке решений проблем местного сообщества.

Уровень повседневных социализирующих практик в реализации РМП.

Повседневное взаимодействие молодого человека с педагогом, социальным работником является одним из ключевых факторов его социализации. Особое место занимает разработка и внедрение системы подготовки и переподготовки кадров для молодёжной сферы конкретного региона. Необходимо:

- Создание на базе региональных российских университетов образовательных центров для подготовки (переподготовки) специалистов по работе с молодёжью.
- Формирование команды тренеров, работающих в сфере развития социальной активности молодёжи.
- Организация системы тренингов и семинаров для руководителей детских и молодёжных общественных объединений, координаторов молодёжных движений региональных отделений политических партий, бизнес-структур.
- Создание системы подготовки социальных технологов для работы с дворовыми детскими, подростковыми и молодёжными объединениями и субкультурами.

В современных условиях трансформации российского общества и очередной попытки его модернизации возникает потребность в разработке эффективных моделей социального управления развитием человеческого капитала. Одним из направлений этой деятельности должна стать работа по оптимизации РМП, как системы социализации и сопровождения транзита молодёжи, проживающей в социокультурном поле российской провинции. Представленная модель может стать эффективным инструментом для разработки и реализации РМП в соответствии с теми вызовами, перед которыми оказалось сегодня российское государство и общество.

В Заключении подводятся главные итоги диссертационного исследования, формулируются основные выводы и рекомендации по решению изученных проблем, определяются дальнейшие исследовательские и практические перспективы.

В Приложении №1 представлен краткий аналитический отчет по итогам социологического исследования «Молодёжь Костромской области: психологическое состояние, ценностные ориентации, социальные проблемы».

В Приложении №2 представлен краткий аналитический отчет по итогам социологического исследования «Проблемы и перспективы развития молодёжных общественных объединений в российских регионах».

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНО В СЛЕДУЮЩИХ РАБОТАХ АВТОРА:

Монографии:

1. Смирнов В.А. Региональная молодёжная политика в условиях трансформации российского общества. – Кострома: изд-во Костромской государственной сельскохозяйственной академии. 2007. – 13,92 п.л.
2. Смирнов В.А. Институционализация региональной молодёжной политики в современной России. – Кострома: изд-во Костромской государственной сельскохозяйственной академии. 2010. – 15,5 п.л.

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Смирнов В.А. Концептуальные основы современной молодёжной политики // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – Кострома, 2006, том 12. С. 174-178. – 0,5 п.л.
2. Смирнов В.А. Провинциальная молодёжь в условиях риска // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки». – Тамбов, 2007.- Вып. 12 (56). с. 106-111. – 0,6 п.л.
3. Смирнов В.А. Факторы экстремистской активности российской молодежи (региональный аспект) // Этносоциум и межнациональная культура, М., 2008 г. №1 (9), с. 202-218. – 0,7 п.л.
4. Смирнов В.А. Социальные проблемы молодежи российской провинции // Вестник МГУ, сер.18 «Социология и политология», №2, 2008. с. 15-29. – 0,7 п.л.
5. Смирнов В.А. Молодёжная политика российского государства на рубеже XX-XXI веков // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. Выпуск 6, №11 (112) – Челябинск, 2008., с. 71-79. – 0,5 п.л.
6. Смирнов В.А. Молодёжь в социокультурном пространстве провинциального города // Вопросы культурологии, №9, 2008., с. 52-56. – 0,5 п.л.
7. Смирнов В.А. Молодёжные общественные объединения как субъект региональной молодёжной политики // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки». – Тамбов, 2008.- Вып. 2 (58). с. 510-517. – 0,6 п.л.
8. Смирнов В.А. Основы молодёжной политики в сфере профилактики экстремизма // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. Выпуск 7, №14 (115) – Челябинск, 2008., с. 78-88. – 0,7 п.л.
9. Смирнов В.А. Некоторые проблемы аналитического сопровождения региональной молодёжной политики // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – Тамбов, 2008.- Вып. 8 (68). с. 274-282. – 0,5 п.л.
10. Смирнов В.А. Проблемы эффективности региональной молодёжной политики // Вопросы культурологии, №5, 2009, с. 61-66. – 0,5 п.л.
11. Смирнов В.А. Развитие молодёжных общественных объединений в регионе // Регионология, №4 (69), 2009. с. 173-183. – 0,7 п.л.

12. Смирнов В.А. Молодёжная политика как социальный механизм транзита российской молодёжи // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2009.- Вып. 12(80). С. 270-278. – 0,7 п.л.
13. Смирнов В.А. Молодёжная политика российского бизнеса: опыт моделирования // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование №4 (том 3), 2010. с. 71-83. – 0,7 п.л.
14. Смирнов В.А. Основные концепции молодости в западной социологии // Вестник МГУ, сер.18 «Социология и политология», №3, 2010. с. 205-219. – 0,7 п.л.

Публикации в журналах, научных сборниках и учебных пособиях:

1. Смирнов В.А. Современные молодёжные общественно-политические объединения в российской провинции // Провинция как социокультурный феномен: Сб. науч. тр. участников VIII Междунар. конф., Кострома, май 2000 г. - Кострома: Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова, 2000. - Т.4, ч.3. с. 41-46. – 0,4 п.л.
2. Смирнов В.А. Технология управления развитием молодёжного общественно-политического объединения // Инновационные технологии и процессы личного и группового развития в транзитивном обществе: материалы международной научно-практической конференции. Часть 3. - Кострома - Москва, 2000. с. 124-129. – 0,4 п.л.
3. Смирнов В.А. Модель комплексного взаимодействия государства и молодёжных общественных объединений // Современное молодёжное, детское движение и государство. Всероссийская научно-практическая конференция 12 - 15 марта. -М.: Социум, 2000. С. 76-83. – 0,5 п.л.
4. Смирнов В.А. Политическая культура как важнейшая составляющая правовой культуры. Механизмы повышения правовой культуры российской молодежи // Правовая культура в России на рубеже столетий: Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции / Под.ред. Н.Н. Волпенко. - Волгоград: Издательская группа ВРО МСЮ, 2001. С. 198-203. – 0,4 п.л.
5. Смирнов В.А. Моделирование как метод исследования социально-политических процессов // Материалы научной конференции «Измерение социальной напряженности: теория, методология и методика исследования. – С-Пб, 2002. С. 156 – 161. – 0,4 п.л.
6. Смирнов В.А. Методика анализа взаимоотношений общественно-политических институтов // Материалы научно - практической конференции «Философия жизни волжан» (Весна 2002 года). Выпуск 4. Часть 1. Философия, политология, история.-Волжский: ВФ МЭИ (ТУ), 2002.с. 23-27. –0,3 п.л.
7. Смирнов В.А. Основные формы участия молодежи Костромской области в избирательной кампании 2003 года // Актуальные проблемы науки в АПК: материалы 55 международной научно-практической конференции. - Кострома: Изд-во КГСХА, 2004. Т.3. с. 145-149. – 0,3 п.л.

8. Смирнов В.А., Голиков А. В. Особенности детских и молодёжных общественных объединений Костромской области // Современный этап развития детского и молодёжного общественного движения в Костромской области. – Кострома, Студия оперативной полиграфии «Авантитул», 2004. с. 34-39. – 0,5/0,4 п.л.
9. Смирнов В.А., Шустов А.К. Молодёжная политика российского государства на рубеже 20 – 21 веков // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова, 2004, № 12. с. 152-158. – 0,6/0,4 п.л.
10. Смирнов В.А. Проблемы и перспективы реализации государственной молодёжной политики в современной России // Труды Костромской государственной сельскохозяйственной академии. Выпуск 62. Кострома: Изд. КГСХА, 2004. С. 165-170. – 0,4 п.л.
11. Смирнов В.А. Чистякова В.В. Выявление и поддержка молодёжной инициативы как фактор развития молодёжного движения // Современный этап развития детского и молодёжного общественного движения в Костромской области. – Кострома, Студия оперативной полиграфии «Авантитул», 2004. С. 56-62. - 0,5/0,4 п.л.
12. Смирнов В.А. Национальная молодёжная политика России на рубеже 20-21 вв. // Современная российская наука: проблемы, перспективы, исследования: сборник научных статей. Т. 3. – Кострома, 2005. С. 34-40. – 0,5 п.л.
13. Смирнов В.А., Шустов А.К. Некоторые особенности детских и молодёжных общественных объединений Костромской области // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова, т. 13., №3, 2007, с. 248-253. – 0,6/0,4 п.л.
14. Смирнов В.А. Основные этапы формирования и реализации государственной молодёжной политики в современной России // Вестник МГУ, сер.12 «Политические науки», №4, 2008. с. 51-62. – 0,8 п.л.
15. Смирнов В.А. Молодёжь в социокультурном пространстве провинции // Молодёжная галактика. Ежегодный альманах. – СПб, №4, 2008, с. 104-113. - 0,5 п.л.
16. Смирнов В.А. Некоторые особенности региональной молодёжной политики // Молодёжь и будущая Россия. Материалы Третьей Всероссийской научно-практической конференции. Сб. науч.тр. ИНИОН РАН. Редкол.: Пивоваров Ю.С. (отв.ред.) и др. – М., 2008., с. 41-48. – 0,6 п.л.
17. Смирнов В.А. Основные циклы государственной молодёжной политики в России // Молодёжь - позитивная сила развития российского общества: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-ти летию со дня рождения В.Т. Лисовского (24-25 сентября) – СПб, 2009, с. 269-272. – 0,4 п.л.
18. Смирнов В.А. Концептуальные основы системы гражданского воспитания российской молодежи // Гражданственность и патриотизм: вчера, сегодня, завтра. Сб. науч.тр. Всероссийской научно-практической конференции «Гражданственность и патриотизм: вчера, сегодня, завтра» (09-10 декабря 2009 года). Новосибирск, 2009. с. 67-71. – 0,4 п.л.
19. Смирнов В.А. Особенности институционализации молодёжного парламентаризма в российских регионах // Молодёжь и образование: экономические, социально-

- психологические и правовые аспекты: материалы Всероссийской научн.-практ.конф.(29 октября 2009 г.). - Березники «Издательский дом «Типография купца Тарасова», 2009. с. 76-83. – 0,4 п.л.
20. Смирнов В.А. Общественно-политические объединения // Политология: Учеб.-метод. пособие для студентов высших учебных заведений /Отв. ред. В.Т. Чепиль. - Кострома. 2000. с. 29-36. – 0,6 п.л.
 21. Смирнов В.А. Общественно-политическое объединение. Стратегия и тактика развития. – Кострома, 2000. – 45 с.- 2,8 п.л.
 22. Смирнов В.А. Студенческое самоуправление в вопросах и ответах. – Кострома, 2004. – 54 с. – 3,1 п.л.
 23. Смирнов В.А., Голиков А.В., Чистякова В.В. Основные технологии государственной поддержки молодёжной инициативы. – Кострома, 2004. – 36 с. – 1,5 / 0,9.
 24. Смирнов В.А., Чистякова В.В. Информационное, нормативно-правовое обеспечение детских и молодёжных общественных объединений Костромской области. – Кострома, 2004. – 37 с. – 1,5 / 0,8 п.л.
 25. Смирнов В.А. Правотворческая инициатива молодёжи: технологии организации работы. Кострома, 2006. – 33 с. – 1,2 п.л.
 26. Смирнов В.А. Молодёжные общественные объединения как ресурс гражданского общества. Кострома, 2008. – 54 с. – 2,8 п.л.
 27. Смирнов В.А. Социология провинциальной молодёжи. Кострома, 2008. - 73 с. – 3,2 п.л.
 28. Смирнов В.А., Гуменная А.Н. Формирование и воспроизводство устойчивых практик взаимодействия в системе «Российское государство – общество – молодёжь»: опыт исторического моделирования // Вопросы культурологии, №4, 2010., с. 42-66. – 0,7/0,5 п.л.
 29. Смирнов В.А. Жизненные стратегии и социальные практики провинциальной молодёжи // Актуальные проблемы социологии молодёжи / под общей ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург: УрФУ, 2010., с. 139-158. – 1,5 п.л.
 30. Смирнов В.А. Социокультурное пространство развития провинциальной молодёжи // Молодые россияне: эскиз к портрету / под ред д-ра соц.наук, проф. А.А. Козлова. СПб, «ЭлекСис», 2011., с. 53-62. – 1,5 п.л.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ЦНИТ «АСТЕРИОН»

Заказ № 269. Подписано в печать 18.05.2011 г. Бумага офсетная

Формат 60х84¹/₁₆. Объём 2,5 п.л. Тираж 100 экз.

Санкт-Петербург, 191015, а/я 83,

тел. /факс (812) 275-73-00, 970-35-70

asterion@asterion.ru